

НОРА РОБЕРТС

Яд бессмертия

*От любовных переживаний к смертельной опасности...
Лихо закруженный сюжет, стремительная смена
событий и блестящее писательское мастерство
автора заставляют читателя лихорадочно
листать страницы.*

USA Today

Ева Даллас

Нора Робертс
Яд бессмертия

«ЭКСМО»

1996

Робертс Н.

Яд бессмертия / Н. Робертс — «Эксмо», 1996 — (Ева Даллас)

Перед смертью все равны, как и перед богом. Казалось бы, что может быть общего у всемирно известной топ-модели Пандоры, уличной проститутки Хетты и опустившегося бомжа Бумера... У этих трех совершенно разных людей один... убийца. К тому же в крови у всех жертв обнаружено новое наркотическое вещество, которое, по сути, является ядом замедленного действия. Найти жестокого и беспощадного преступника и разгадать тайну «яда бессмертия» предстоит бесстрашному лейтенанту нью-йоркской полиции Еве Даллас...

© Робертс Н., 1996

© Эксмо, 1996

Содержание

1	5
2	15
3	24
4	32
5	40
6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Нора Робертс

Яд бессмертия

Дар красоты роковой.

Байрон

Подари мне поцелуй бессмертья.

Кристофер Марло

1

Замужество – какая смертельная глупость! Ева не понимала, как с ней такое могло случиться. В конце концов, она ведь служит в полиции! Ева всегда свято верила, что полицейский должен быть человеком холостым, ничем не обремененным, отдающим себя целиком работе. Было бы безумием считать, что кто-то может со всей своей энергией, знаниями, опытом защищать законность и одновременно заниматься семьей со всеми ее проблемами и тонкостями.

Оба этих дела – а наблюдения неопровержимо свидетельствовали, что замужество представляет собой полноценную работу, – слишком многого требовали и заставляли крутиться круглые сутки как белка в колесе. Даже сейчас, в двадцать первом веке, в эпоху стремительного технического прогресса, брак оставался браком. Для Евы это короткое слово было синонимом другого – «кошмар».

Но этот летний день был приятным хотя бы потому, что был выходным, а для Евы это являлось большой редкостью. Она собиралась за покупками и уже начала нервничать.

Дело в том, что это только так говорится – «за покупками». Сколько Ева ни убеждала себя, что ничего особенного не происходит, легче не становилось. Ей предстояло заказать подвенечное платье.

Разве это не сумасшествие?

Но пути назад не было. Рорк подловил ее в редкий момент слабости: оба, полумертвые и забрызганные кровью, радовались, что остались в живых. Что и говорить, умный мужчина умеет правильно выбрать время и место, чтобы сделать предложение. Женщине ничего не остается, кроме как ответить согласием – и погибнуть.

Во всяком случае, такой женщине, как Ева Даллас.

– У тебя такой вид, словно ты собираешься идти с голыми руками на банду наркодельцов, – заметил Рорк, войдя в спальню.

Ева, взявшись за туфлю, покосилась на него.

«Слишком хорош!» – в который раз подумала она. Такая обезоруживающая привлекательность уже являлась преступлением. Мужественное лицо, грива густых черных волос, рот поэта и синие глаза убийцы. Тело его тоже производило неизгладимое впечатление. Да еще этот легкий ирландский акцент... Все вместе действовало совершенно неотразимо.

– Мне предстоит кое-что похуже стычки с наркодельцами.

Уловив в собственном голосе жалобные нотки, Ева нахмурилась. Ей не было свойственно скулить. Просто она действительно предпочла бы схватку врукопашную обсуждению последних моделей подвенечных платьев!

Она выругалась про себя, следя взглядом за Рорком, расхаживающим по огромной спальне. Вечно он заставляет ее чувствовать себя душой! Вот и сейчас он присел с ней рядом на широкую кровать и взял ее за подбородок.

– Я в тебя безнадежно влюблен.

Час от часу не легче! Ева знала, что он говорит правду. Этот обладатель невыносимо синих глаз, похожий на прекрасного, но порочного ангела кисти Рафаэля, действительно влюбился в нее!

– Слушай, Рорк... – Она уже собиралась тяжело вздохнуть, но успела побороть себя. Ей проще было справиться с наемником, направившим на нее пистолет, чем с непрошеными чувствами. – Я свои обещания выполняю, раз сказала – значит, сделаю.

Рорк приподнял черную бровь. Поразительно, но она, кажется, и в самом деле не отдает себе отчета, до чего соблазнительна сейчас – взволнованная, с небрежно подстриженными темно-каштановыми волосами, которые она взъерошила легким прикосновением, с тревожной неуверенностью в огромных светло-карих глазах...

– Дорогая моя Ева... – Он поцеловал ее – сначала в губы, потом в подбородок с ямочкой. – Я в этом ни минуты не сомневался. – Рорк знал, что лукавит, – он сомневался, и еще как! – У меня сегодня несколько важных дел, а тебя я не успел расспросить о планах. Ты вчера так поздно вернулась...

– В три часа ночи мне пришлось заняться делом Байнза.

– Ты его поймала?

– Он сам прыгнул мне в руки. До того одурел, что уже ничего не соображал. – Она улыбнулась улыбкой хищницы – опасной, безжалостной. – Я скрутила его одной левой.

– Поздравляю! – Рорк похлопал ее по плечу, встал и направился к гардеробу – настоящей выставке костюмов, рубашек и жилетов. – А что сегодня? Рапорты?

– Сегодня у меня выходной.

– Неужели? – Он обернулся, успев снять с вешалки потрясающий темно-серый шелковый жилет. – Если хочешь, я мог бы изменить свои планы на вторую половину дня.

Ева знала, что это равносильно пересмотру генеральных планов решающего сражения. В мире Рорка бизнес представлял собой настоящие боевые действия.

– Я для себя уже все спланировала. – Она невольно скривилась. – Покупки, свадебное платье.

Рорк расплылся в радостной улыбке. В ее устах эти слова звучали как признание в любви.

– Теперь понятно, почему у тебя такой кислый вид. Я же сказал, что сам об этом позабочусь.

– Позволь уж мне самостоятельно выбрать собственное свадебное платье. И самой за него заплатить. Учти, я выхожу за тебя не из-за твоих проклятых денег.

Его улыбка стала самодовольной.

– Тогда из-за чего, лейтенант? – Ева нахмурилась еще сильнее, но терпения ему было не занимать. – Хочешь, я сам предложу варианты ответа?

– Потому что ты не отступаешь, когда тебе отвечают «нет». – Она встала и засунула руки в карманы джинсов.

– Ответ неполный. Еще одна попытка.

– Потому что я выжила из ума.

– Так тебе не выиграть путешествие в Грецию на двоих.

Ева тоже попыталась улыбнуться.

– Может, это любовь?

– Не исключено. – Он шагнул к ней с довольным видом и взял за плечи. – Да не переживай ты! Тоже мне, проблема! Рассматриваешь несколько рекламных проектов и выбираешь платье, которое больше всего нравится.

– Я так и хотела. – Она закатила глаза. – Но Мэвис сказала: не вздумай!

– Мэвис? – Рорк побледнел. – Ева, обещай мне, что не будешь этим заниматься в компании Мэвис.

Его реакция немного подняла ей настроение.

– У нее есть очень полезный дружок – модельер.

– Господи!

– Она так его расхваливает! Говорит, еще немного – и он прогремит. У него в Сохо своя мастерская.

– Слушай, давай сбежим. Прямо сейчас.

Теперь Ева рассмеялась от души:

– Трусишь?

– Прямо поджилки трясутся.

– Отлично. Значит, мы квиты. – Довольная одержанной победой, она расщедрилась на поцелуй. – В ближайшие недели тебя будет мучить вопрос: в чем я появлюсь на свадьбе? – Она потрепала его по щеке. – Мне пора. Через двадцать минут встречаюсь с Мэвис.

– Ева! – Рорк поймал ее за руку. – Ты не наделаешь глупостей?

Она вырвалась.

– Я выхожу замуж. Что может быть глупее?

Ева намеренно поддела его на прощание: так ему и надо! С мыслью о замужестве она уже почти смирилась, но свадьба... Наряды, букеты, музыка, гости! Как она все это переживет?!

Ева свернула на Лексингтон-авеню и хотела разогнаться, но вместо этого резко затормозила, обложив последними словами уличного торговца, выкатившего на мостовую свою окутанную дымом тележку. Запах пережаренных сосисок вызвал тошноту, а у нее и так уже голова кружилась от волнения.

Таксист, едва не врезавшийся в нее сзади, разразился гудками и руганью. Стайка туристов с видеокамерами и фотоаппаратами на шеях тупо таранилась на транспортное столпотворение. Среди них деловито шмыгал карманник.

Ева удрученно покачала головой. Вернувшись в отель, туристы обнаружат, что их благосостоянию нанесен некоторый урон. Будь у нее время и, главное, местечко, чтобы припарковаться, она бы с удовольствием сцапала воришку. Но он, словно почуяв опасность, мигом затерялся в толпе и уже через пару секунд мелькнул вдалеке.

«Привыкайте: это Нью-Йорк, – усмехнулась про себя Ева. – Вы сунулись сюда на свой страх и риск».

Она обожала толпу, шум, вечную спешку. Здесь редко удавалось остаться одной, но зато создавалась видимость преодоления одиночества. Именно поэтому она когда-то сюда и приехала. Сколько воды утекло с тех пор?

Не то чтобы она не могла жить без толчеи, просто необъятный простор и безлюдье действовали ей на нервы.

В свое время Ева подалась в Нью-Йорк с целью поступить в полицию, потому что верила в порядок, нуждалась в нем, чтобы выжить. Несчастное детство, полное издевательств и обид, темных зловещих углов, было невозможно изменить. Зато изменилась она сама: возобладали над своей судьбой и вылепила личность из ничего, которое некий анонимный социальный работник небрежно назвал когда-то Евой Даллас.

Теперь ей снова приходилось меняться... Пройдет несколько недель – и она перестанет быть Евой Даллас, лейтенантом из отдела по расследованию убийств. Она станет женой Рорка. Как совместить то и другое? Это оставалось для нее еще более неразрешимой загадкой, чем любое только что порученное уголовное дело.

Оба они не представляли себе, что значит иметь семью. Оба в детстве познали безразличие, жестокость, надругательства. Ева подозревала, что они сошлись именно из-за схожести жизненного опыта. Оба знали, что такое страх, голод, отчаяние, что такое ничего не иметь, быть ничем. Оба выстроили себя заново, начав с нуля.

Что влекло их друг к другу? Желание близости, любви, слияния с другим человеком? До встречи с Рорком Ева и не помышляла о таком желании.

«Вопрос для доктора Миры», – подумала она, вспомнив полицейского психолога, к которой часто обращалась.

Впрочем, сейчас Ева не собиралась вспоминать прошлое и строить планы на будущее. Настоящее было настолько неожиданным и запутанным, что требовало полного сосредоточения.

В трех кварталах от Грин-стрит она воспользовалась подвернувшейся возможностью и втиснула машину на крохотный освободившийся пяточок. Порывшись в карманах, она нашла жетон и угмонила на ближайшие два часа древний счетчик на стоянке, который пищал как слабоумный идиот. Ева не исключала, что задержится дольше, но на штрафы ей было искренне наплевать.

Сделав глубокий вдох, она оглядела квартал, в который нечасто навевывалась по службе. Убийства совершались повсеместно, однако Сохо оставался пока что богемным бастионом спокойствия: здешние молодые обитатели предпочитали разрешать конфликтные ситуации за бокалом вина или чашечкой черного кофе.

Сейчас здесь буйствовало лето. Цветочные киоски утопали в розах – начиная с классических, красных и розовых, и кончая нелепыми гибридами, с полосками и крапинками на лепестках. Машины неспешно проезжали по улицам, эстакадам, тормозили на развязках. На живописных тротуарах толпились пешеходы. Многие женщины уже надели струящиеся платья – последний писк европейской моды, – и босоножки, и головные уборы вызывающих фасонов, и крупные яркие клипсы.

Перед витринами магазинов выставили свои произведения – масло, акварели, компьютерную графику – художники; с ними конкурировали продавцы съестного, предлагавшие экзотические фрукты, разнообразные йогурты и овощные пюре без вредных добавок.

Бритоголовые приверженцы какой-то буддийской секты – на сегодняшний день главная изюминка Сохо – проплывали мимо в желтых одеяниях, достающих до земли. Один из этих отрешенных попрошайек, показавшийся Еве особенно убедительным, получил от нее несколько монет и преподнес в благодарность очаровательную улыбку и никчемный гладкий камешек.

– Чистая любовь! – пропел он. – Чистая радость...

– Она самая, – пробормотала Ева и проследовала дальше.

Она не сразу нашла студию Леонардо. Энергичный модельер расположился на третьем этаже. Витрина, выходящая на улицу, сразу давала понять, что мастер привержен нестандартным направлениям в моде. Ева поморщилась. Ей была больше по вкусу классическая простота – то, что Мэвис называла «серым однообразием».

Подойдя ближе, Ева поняла, что настоящие сюрпризы ждут ее впереди. Витрина пестрела перьями, бусами, выкрашенными в безумные цвета резиновыми комбинезонами. Конечно, она многое отдала бы, чтобы вызвать у Рорка икоту, но даже ради такого удовольствия не согласилась бы предстать перед ним в резиновом пузыре с неоновой подсветкой.

Но это еще что! Леонардо явно стремился шокировать публику. Центральный манекен в витрине, похожий на труп со съеденным червями лицом, был обмотан прозрачными шальями, которые шевелились, словно живые. Ева представила, как что-то в этом роде ползет по ее телу...

«Нет уж, извините, – подумала она. – Ни за что на свете!» Она уже собралась броситься наутек, но тут как раз подоспела Мэвис.

– Какое у него все холодное, прямо мороз по коже! Это сейчас очень модно. – Мэвис обняла Еву за талию и восторженно уставилась на витрину.

– Знаешь, подруга...

– Безграничное воображение! Я видела, как он демонстрирует свои модели. Безумно интересно!

– Безумно – это точно. Я тут подумала...

– Никто не понимает тайны человеческой души так, как Леонардо! – перебила ее Мэвис Фристоун.

Она видела Еву насквозь и догадывалась, что та готова к бегству. В белом с золотом комбинезоне, Мэвис, покачиваясь на трехдюймовых платформах, тряхнула своей черной гривой с белыми прядями, окинула подругу придирчивым взглядом и усмехнулась.

– Он сделает из тебя самую сногшибательную невесту во всем Нью-Йорке.

– Мэвис! – Ева нахмурилась, боясь, что ее снова перебьют. – Мне нужно совсем другое: не чувствовать себя полной дурой.

Мэвис широко улыбнулась и прижала руку к сердцу, продемонстрировав новое украшение – вытатуированное на плече сердечко с крылышками.

– Доверься мне, Даллас!

– Нет! – отрезала Ева. – Я серьезно, Мэвис. Лучше закажу что-нибудь по рекламному проспекту.

– Только через мой труп! – Мэвис кинулась к входу, увлекая за собой Еву. – Хотя бы посмотри, побеседуй с ним. Не пренебрегай такой блестящей возможностью. – Она выпятила нижнюю губу, густо намазанную пурпурной помадой, что всегда являлось у нее самым неотразимым доводом. – Не будь ты такой серостью, Даллас!

– Ладно, раз уж я здесь...

Просиявшая Мэвис нажала на кнопку и выпалила в переговорное устройство:

– Мэвис Фристоун и Ева Даллас, к Леонардо.

Дверь со скрипом отворилась. Мэвис шагнула к старому лифту в обвитой сеткой шахте.

– Весь этот дом – сплошное ретро! Наверное, Леонардо останется здесь, даже когда разбогатеет. Ну, ты понимаешь: эксцентричная натура художника и все такое.

– Понимаю. – Ева зажмурилась, молясь, чтобы кабина лифта не рухнула вниз. Она решила, что на обратном пути надо будет воспользоваться лестницей.

– Главное, ничего не отвергай с ходу! – распорядилась Мэвис. – Позволь Леонардо над тобой поколдовать.

Она выплыла из тряской кабины прямо в красочную мастерскую. Изящество подруги всегда вызывало у Евы восхищение и зависть.

– Мэвис, моя голубка! – проревел мужской бас.

Ева вытаращила глаза. В человеке, носившем изысканное артистическое имя, оказалось все шесть футов пять дюймов роста. Телосложением он мог бы посоперничать с гориллой. Халат с короткими рукавами цвета марсианского заката обтягивал чудовищные мускулы. У него была круглая, как луна, физиономия, кожа на скулах грозила лопнуть, словно на барабане. Между двумя верхними зубами красовался блестящий камешек, глаза сияли, как золотые монеты.

Гигант сгреб Мэвис в охапку, оторвал от пола и поцеловал – так основательно, что Ева смекнула: эту пару объединяет не только приверженность моде и искусству.

– Леонардо... – Мэвис прыснула, как девчонка, и запустила пальцы с золотистым маникюром в его густые кудри, свисающие на плечи.

– Куколка!

Их сюсюканье было трудно выносить. Ева молча закатила глаза. Все ясно: Мэвис снова влюбилась – в который раз!

– Какая чудесная прическа! – Леонардо погрузил свои похожие на толстые сардельки пальцы в ее волосы.

– Я старалась – хотела, чтобы тебе понравилось. Познакомься... – Последовала многозначительная пауза, как перед представлением пса-медалиста. – Даллас.

– А вот и невеста! Очень рад знакомству, лейтенант Даллас. – Продолжая обнимать Мэвис, он подал Еве руку. – Мэвис много мне о вас рассказывала.

– Могу себе представить... – Ева покосилась на подругу. – Зато о вас она особо не распространялась.

От его гулкого смеха у Евы чуть не лопнули барабанные перепонки.

– Да, моя голубка обожает секретничать. Напитки! – Проревев это слово, он с неожиданной грацией развернулся и исчез в облаке легких тканей.

– Потрясающий, правда? – прошептала Мэвис. Она словно поглупела от любви.

– Ты с ним спишь?

– Ты не поверишь, до чего он... изобретателен. До чего... – Мэвис тяжело задышала и сладострастно провела рукой по груди. – Настоящий художник секса.

– Не желаю об этом слышать. Не желаю, и точка. – Ева свела брови на переносице и окинула помещение профессиональным взглядом.

Комната была просторная, высокая, вся увитая струящейся материей. Казалось, на потолке, стенах, даже на столах и подлокотниках кресел сияют многоцветные радуги, бьют водопады, серебрятся озера.

– Господи! – восторженно прошептала Ева. – Что за красота!

Оглядевшись, она увидела настоящий лабиринт из лент, кладезь пуговиц, поясов, тесемок, шляпок и прочих не подлежащих опознанию предметов, заготовок и аксессуаров. Впечатление усиливал запах – как на предприятии по производству ладана, превращенном на день в аукцион цветов.

Внезапно Еве стало страшно. Не зная, что побледнела как полотно, она обернулась к Мэвис и пролепетала:

– Мэвис, я тебя очень люблю. Если раньше я тебе этого не говорила, извини. Но сейчас позволь мне уйти.

– Даллас! – Мэвис со смехом схватила ее за руку. Для такой изящной особы Мэвис обладала поразительной физической силой. – Успокойся. Чего ты задергалась? Даю гарантию, Леонардо сделает из тебя конфетку.

– Этого-то я и боюсь, Мэвис. Боюсь до жути.

– Холодный лимонный чай, – пропел Леонардо, раздвинув занавеску из шелка подносом со стаканами. – Будьте так добры, садитесь. Сначала посидим, как следует познакомимся, а уж потом...

Ева шагнула к креслу, все еще оглядываясь на спасительную дверь.

– Понимаете, Леонардо, Мэвис, наверное, не объяснила вам, что я...

– Детектив из отдела по расследованию убийств. Я читал про вас. – Леонардо занял место на изогнутом диванчике, Мэвис пристроилась рядышком, чуть ли не у него на коленях. – Ваше последнее дело подробно комментировалось в прессе. Признаться, я нахожусь под большим впечатлением. Оказывается, вы мастерица разгадывать ребусы, лейтенант, – совсем как я!

Ева отпила из своего стакана и зажмурилась от наслаждения: чай оказался очень вкусным.

– Как, и вы тоже?

– Естественно. Ведь я должен, впервые увидев женщину, представить себе, как ее надо одеть. Для этого я сначала выпытываю, кто она, что собой представляет, какую жизнь ведет, на что надеется, какие у нее фантазии, как она видит себя сама. Потом все эти кусочки я складываю вместе, чтобы создать образ. Но в первый момент она для меня – загадка, которую я с наслаждением разгадываю.

– Разве он не чудо, Даллас? – не выдержав, воскликнула Мэвис.

Леонардо зарылся носом в ее волосы и довольно громко прошептал:

– Твоя подруга обеспокоена, голубка. Она, очевидно, считает, что я обмотаю ее прозрачной розовой тканью и засыплю блестками.

– Какая прелесть!

– На самом деле прелесть – это вы. – На сей раз улыбка Леонардо предназначалась Еве. – Кажется, ваш жених – неуловимый, но могущественный Рорк?

– Как будто да... – пробормотала Ева.

– Насколько я знаю, вы познакомились, когда расследовали дело сенатора Дебласса? По-видимому, вы заинтриговали его своими светло-кариими глазами и серьезным видом.

– Я бы не сказала, что...

– Конечно, не сказали бы! – улыбнулся Леонардо. – Потому что он смотрит на вас по-своему. У меня тоже сложилось о вас собственное представление: сильная, отважная, надежная. Взволнованная.

– Вы модельер или психоаналитик?

– Одно без другого невозможно. Итак, в том, что вы пленили Рорка, нет ничего удивительного. Но расскажите, лейтенант, как Рорку удалось вас завоевать!

– Я не ярмарочный приз! – отрезала Ева и поставила стакан.

– Великолепно! – Леонардо всплеснул руками и едва не застонал от восторга. – Горячность, независимость и при этом – самая малость страха. Из вас получится восхитительная невеста. За работу! – Он встал. – Пойдемте.

Ева тоже поднялась.

– По-моему, не стоит тратить зря мое и ваше время. Я просто...

– Пойдемте, – повторил он и взял ее за руку.

– Позволь ему попробовать, Ева.

Чтобы не огорчать Мэвис, она разрешила Леонардо провести ее мимо завалов тканей в дальний угол мастерской, не менее захлащенный.

Наличие компьютера немного ее успокоило – хотя бы что-то знакомое. Впрочем, созданные с помощью знакомого устройства непонятные картинки, развешанные на стенах, опять привели Еву в замешательство. Пожалуй, лучше тонна блесток, чем то, что она увидела...

Безликие женщины с чрезмерно удлиненными телами походили на инопланетянок. На одних топорщились перья, другие были обвешаны камнями, как грузилами. На некоторых было подобие одежды, но такой экстравагантной – заостренные воротники, юбочки размером с банную мочалку, обтягивающие комбинезоны, – словно все это предназначалось для того, чтобы пугать обывателей в канун Дня Всех Святых.

– Модели, которые я демонстрировал в первый свой показ, – небрежно заметил Леонардо. – Как видите, высокая мода – это некий выверт действительности. Тут главное дерзость, оригинальность, шаг за грань возможного.

– Блеск! – воскликнула Мэвис.

Ева укоризненно покосилась на подругу и сложила руки на груди.

– Мы предполагаем устроить весьма скромную церемонию – немногочисленную, домашнюю...

– Угу. – Леонардо уже навис над клавиатурой компьютера, и его пальцы с поразительной скоростью забегали по клавишам. – Как вам вот это?

От появившегося на дисплее изображения у Евы кровь застыла в жилах. Платье цвета мочи с оборками оттенка дорожной грязи от зубчатого ворота до заостренного, как кончик кинжала, подола, увешанного камнями размером с детский кулак... Рукава выглядели такими узкими, что энтузиастка, рискнувшая влезть в этот наряд, мигом утратила бы чувствительность пальцев.

Напоследок Леонардо побаловал Еву видом сзади: едва прикрытые ягодицы, ниже – пучок страусиных перьев...

– Это, ясное дело, не для вас! – Леонардо от души захохотал – так позабавил его испуг клиентки. – Прошу меня извинить, увлекся. А для вас... Сами понимаете, пока что это только набросок. Стройность, длина, простота. Колонноподобный силуэт. Минимум изыска.

Работая, он продолжал говорить. На дисплее на этот раз появился вполне привычный силуэт. Ева с интересом наблюдала, засунув руки в карманы.

Действительно ли это будет так просто, как кажется на первый взгляд? Длинный силуэт, летящие рукава... Все еще не доверяя Леонардо, она ждала, что он опять начнет злоупотреблять мишурой.

– Это только заготовка, – проговорил он рассеянно и, развернув свой набросок, продемонстрировал спину – такую же гладкую и изящную, как перед, с разрезом до колен. – Может быть, вы хотите шлейф?

– Шлейф?!

– Я пошутил. – Он покосился на нее и снисходительно улыбнулся. – Перейдем к голове. Ваши волосы...

Привыкнув к насмешкам на сей счет, Ева машинально провела пальцами по волосам.

– Если надо, я их прикрою.

– Нет, это лишнее. Так вам больше идет.

Она удивленно уставилась на него.

– Неужели?

– Очень идет. Разве что немного придать форму... Но цвет, коричневато-золотистые тона, легкая взъерошенность – все это вам очень к лицу. Пару раз щелкнуть ножницами – и готово. – Он рассматривал ее, сузив глаза. – Значит, ни головного убора, ни вуали. Такое лицо нужно показывать. Так, теперь займемся цветовой гаммой и материалами. По-моему, вам больше всего подойдет шелк, настоящий, плотный шелк. – Он скорчил гримасу. – Мэвис говорит, что Рорк не будет платить за платье...

Ева гордо расправила плечи.

– Это мое платье.

– Заладила, как попугай, – вставила Мэвис. – Можно подумать, от Рорка убудет, если он раскошелится на тысячу-другую.

– Дело не в этом...

– Действительно. – Леонардо ободряюще улыбнулся. – Разберемся потом. Лучше подумаем о цвете. Только не белый – не вяжется с оттенком вашей кожи.

Он вызвал на дисплей палитру красок и стал экспериментировать, поджав от усердия губы. Ева, все больше увлекаясь, наблюдала, как белое платье становится кремовым, потом светло-голубым, ярко-зеленым... Мэвис встречала одобрительными возгласами любой вариант, но сам модельер всякий раз недовольно качал головой.

Остановился он на бронзе.

– Вот оно! Прямо в точку. Бронзовый цвет соответствует всему сразу: вашей коже, глазам, волосам. Вы вся засветитесь. Великолпно! Хотите побыть богиней? Тут, правда, потребуется ожерелье дюймов в тридцать длиной. Нет, лучше две нитки: одна двадцать четыре дюйма, другая тридцать. Медная цепочка, цветные камешки: рубины, топазы, ониксы... Обязательно сердолик и турмалин. Поговорите с Рорком о бижутерии.

Обычно Ева обращала мало внимания на одежду, но сейчас ее зацепило.

– Красиво, – сказала она осторожно и стала мысленно подсчитывать свои финансы. – Но я еще не уверена... Боюсь, шелк мне не по карману.

– Об этом не беспокойтесь, я готов сам покрыть расходы. Но за это вы должны мне обещать, что соберете приданое по моим эскизам.

– Приданое? Зачем мне приданое? У меня есть что носить.

– Это одежда лейтенанта Даллас, – возразил Леонардо. – К супруге Рорка предъявляются совсем другие требования.

Ева решила, что он, пожалуй, прав.

– Возможно, мы сговоримся.

Ей уже страшно хотелось занять это чертово платье. Ева чувствовала, как оно облегает тело, представляла себя в нем.

– Чудесно! Раздевайтесь.

– Что?!

– Я должен снять мерку, – поспешно объяснил Леонардо. Ее угрожающий взгляд заставил его отпрянуть. Он обожал и хорошо понимал женщин, но их гнев всегда внушал ему страх. – Представьте себе, что вы на приеме у врача. Я не смогу создать для вас платье, если не познакомлюсь с вашим телом. Я художник и джентльмен, – добавил он с достоинством. – Если вы смущаетесь, мы можем попросить Мэвис поприсутствовать.

Ева покачала головой:

– Сама справлюсь. Но если вы что-нибудь себе позволите, даже только помыслите что-то неподобающее, вам не поздоровится.

– Нисколько не сомневаюсь. – Он вооружился каким-то небольшим прибором. – Недавнее изобретение, измеряет с высочайшей точностью. Только вам придется раздеться догола.

– Хватит хихикать, Мэвис! – проворчала Ева. – Лучше принеси еще чаю.

– Пожалуйста. Тем более что я уже видела тебя голой.

Послав Леонардо воздушный поцелуй, Мэвис удалилась.

– У меня есть другие предложения... Насчет одежды! – быстро уточнил Леонардо, заметив угрожающий прищур Евы. – Я могу предложить вам и вечернюю, и повседневную, и выходную одежду. Где вы собираетесь провести медовый месяц?

– Не знаю, еще не думала об этом. – Она спокойно сбросила туфли и расстегнула джинсы.

– Значит, Рорк еще преподнесет вам сюрприз. – Он подошел к компьютеру, нажал несколько клавиш, увидев, что Ева сняла блузку, приступил к измерениям. – Ноги вместе, пожалуйста. Итак, рост – пять футов девять дюймов, вес – сто двадцать фунтов.

– Давно вы спите с Мэвис?

Леонардо пробормотал еще несколько цифр и ответил:

– Недели две. Она мне очень дорога. Талия – двадцать шесть и две десятых дюйма.

– Интересно, вы стали с ней спать до или после того, как она вам сказала, что ее лучшая подруга выходит замуж за Рорка?

Леонардо замер, его золотистые глаза заплыли гневом.

– Я не использую Мэвис для подобных низких целей. Вы оскорбляете ее такими предположениями!

– Просто проверяю. Мне она тоже дорога. Если мы с вами сговоримся, я хочу, чтобы мы играли в открытую, только и всего. Поэтому...

Внезапно ее прервали – в комнату ворвалась женщина в обтягивающем черном трико, с оскаленными зубами и длинными алыми ногтями, готовыми рвать чужую плоть, как кошачьи когти.

– Ах ты обманщик, бессовестный сукин сын!

Она устремилась к Леонардо, как стремительный снаряд, и он едва успел отскочить.

– Пандора, я все объясню...

– Нечего тут объяснять!

Теперь объектом ее злобы стала Ева. Еще немного – и она лишилась бы глаза. Пришлось одним ударом послать черную пантеру в нокаут.

– Господи боже мой! – Богатырские плечи Леонардо поникли, вместо того, чтобы что-то предпринять, он в отчаянии воздел руки.

2

– Обязательно надо было сбивать ее с ног?

Ева понаблюдала за движением глазных яблок под веками женщины и утвердительно кивнула. Леонардо тяжело вздохнул.

– Теперь она превратит мою жизнь в кромешный ад.

– Мое лицо... – Пандора уже пришла в себя и, сидя на полу, ощупывала челюсть. – Будет синяк? Уже заметно? Мне через час выступать...

Ева пожала плечами:

– Не повезло.

Настроение у Пандоры менялось стремительно – только что она была похожа на испуганную газель, а теперь снова превратилась в разъяренную пантеру.

– Ты за это заплатишься, мерзавка! – прошипела она. – Теперь тебе не будет пути ни на экран, ни на студию звукозаписи. Даже сдельно тебя никто не пригласит! Ты хоть знаешь, кто я такая?

При данных обстоятельствах нагота только придавала Еве апломба.

– Не знаю и знать не хочу!

– Что тут происходит? Ты озверела, Даллас? Ведь он просто снимает с тебя мерку... Ой! – Мэвис, прибежавшая с полными стаканами, чуть не споткнулась. – Пандора?

– Ты?!

Злости у Пандоры хватило бы на десятерых соперниц. Она накинулась на Мэвис, послышался звон разбитого стекла, и обе женщины покатались по полу, вцепившись друг другу в волосы.

– Ну и балаган! – Будь у Евы при себе дубинка, она живо усмирила бы их. – Прекратите! Помогите мне, Леонардо, не то тут произойдет убийство, а то и два!

Очень скоро Еве стало ясно, что на Леонардо рассчитывать не приходится. Он застыл на месте, раскрыв рот, и ей пришлось растащить дерущихся самостоятельно. Пандора при этом получила еще раз – теперь локтем под ребра.

– Ты у меня сядешь в кутузку, даю слово! – Не найдя другого способа, Ева уселась на Пандору верхом и потянулась за своими джинсами, чтобы достать из кармана полицейский значок. – Разуй глаза, идиотка! Я из полиции! Ты уже напала на двоих, хочешь, чтобы тебе предъявили третье обвинение?

– Лучше избавь меня от своей костлявой голой задницы.

Ева послушалась – не столько самого приказа, сколько более или менее спокойного тона, каким он был отдан. Пандора встала с пола, отряхнула руки, презрительно фыркнула, поправила свои огненные волосы и устремила на Леонардо полный ненависти изумрудный взгляд из-под густых ресниц.

– Значит, одной бабы тебе уже недостаточно? Вот подонок! – Она вздернула точеный подбородок и обожгла взглядом Еву и Мэвис. – Appetit у тебя разгулялся, зато вкус подкачал.

– Пандора! – Перетрусивший Леонардо нервно облизнул губы. – Я же сказал, что готов все объяснить. Лейтенант Даллас – просто клиентка.

– Вот, значит, как это теперь называется? – Недавняя пантера обернулась шипящей коброй. – Ну а с той дешевкой, насколько я успела услышать, ты спишь уже две недели? Думаешь, меня можно отбросить, как надоевшую тряпку? Нет, все кончено.

Потрепанная Мэвис, прихрамывая, подошла к Леонардо и обняла его.

– Ты ему больше не нужна. Он тебя не хочет!

– На «хочет не хочет» мне наплевать, а вот насчет «не нужна»... – Полные губы Пандоры растянулись в мстительной улыбке. – Придется приоткрыть тебе изнанку жизни, детка. Без

меня он не сможет провести в следующем месяце показ своей жалкой коллекции. Без показа не будет спроса, а без спроса ему не оплатить материалы и работу, не говоря уже о возврате долга.

Она сделала глубокий вдох и стала рассматривать обломанные в драке ногти. Ева не могла не признать, что злость ей очень идет – так же, как черное обтягивающее трико.

– Так что ты здорово влип, Леонардо. У меня напряженное расписание на предстоящие дни, но я уж как-нибудь выкрою минутку, чтобы переговорить с людьми, которые собирались вложить в тебя денежки. Что они ответят, по-твоему, если я им скажу, что мои высокие профессиональные запросы не позволяют мне появляться на подиуме в твоих моделях? Что эти тряпки просто никуда не годятся?

– Ты не можешь так поступить, Пандора. – В голосе Леонардо звучала паника. Ева видела, что для рыжей чертовки его испуг – все равно что лишняя доза наркотика для наркомана. – Это меня уничтожит. Я все вложил в этот показ: время, деньги...

– Пеняй на себя. О чем ты думал, когда приманивал это ничтожество? – Пандора прищурилась так, что ее глаза превратились в узкие щелки. – К концу недели я, пожалуй, пообедаю с парой людей, у которых водятся средства. В твоём распоряжении два дня, дорогой. Сам решай, как тебе поступить: избавиться от новой игрушки или ощутить на своей шкуре все последствия. Ты знаешь, где меня найти.

Она направилась к двери фирменной походкой манекенщицы и для полноты эффекта громко хлопнула дверью.

– Дьявол! – Леонардо упал в кресло и закрыл своими ручищами лицо. – Вечно она не вовремя!

– Дорогой мой, не позволяй ей так поступать с тобой! – Мэвис присела у его ног, чуть не плача. – Нельзя, чтобы она всю жизнь тобой помыкала, шантажировала... – Внезапно Мэвис вскочила. – Шантаж! Ведь правда, Даллас, это настоящий шантаж? Арестуй ее!

Ева застегнула последнюю пуговицу на блузке.

– Нет, милая, я не могу арестовать ее за отказ надевать его одежду. За применение силы еще можно было бы, но и то она бы тут же вышла.

– Но что же нам делать? Все средства Леонардо вложены в показ. Если он не состоится, все пропало.

– Ничего не поделаешь. Мне очень жаль, поверь, но полиция тут ни при чем. – Ева пригладила волосы. – Может, не стоит так переживать? Ну, понервничал человек, с кем не бывает? Судя по ее глазам, она перед приходом сюда чем-то накачалась. Можно надеяться, что она сама одумается.

– Не одумается. – Леонардо безнадежно махнул рукой. – Она заставит меня платить. Как вы, наверное, поняли, мы были любовниками, но в последнее время наши чувства поостыли. Ее несколько недель не было в Нью-Йорке, и я решил, что наши отношения утратили интимный характер. Потом я познакомился с Мэвис... – Он нашел ее руку и крепко стиснул. – Мне сразу стало ясно: с Пандорой все кончено. Я уже говорил с ней, правда, коротко, пытался ей объяснить...

– Раз Даллас нам не помощница, остается одно средство... – У Мэвис дрожали губы, но она договорила: – Возвращайся к ней. Все равно нам ничего больше не придумать. – Леонардо хотел возразить, но она не позволила. – Мы не должны видеться – по крайней мере до показа. Потом, может быть, удастся что-то придумать. Нельзя допустить, чтобы она отправила псу под хвост все твои усилия.

– Думаешь, я смогу? Быть с ней, прикасаться к ней после всего этого? После тебя? – Он вскочил. – Я люблю тебя, Мэвис.

У нее потекли слезы из глаз.

– Но сейчас мы не можем быть вместе, Леонардо. Я слишком тебя люблю, чтобы видеть, как она тебя топит. Я ухожу. Ради твоего спасения!

Прокричав это, Мэвис выбежала вон. Леонардо проводил ее смущенным взглядом.

– Я в западне. Вот мстительная стерва! Она может лишить меня всего: любимой женщины, работы... Да за одну слезинку Мэвис я готов ее убить! – Он посмотрел на свои руки, тяжело дыша. – И почему мужчины так часто клюют на красоту внешней отделки, не видя подкладки?!

– Может быть, вы напрасно так беспокоитесь? Неужели ее слово так важно для этих людей? Очевидно, они не вложили бы в вас денег, если бы не верили в вашу работу.

– Пандора – одна из знаменитейших топ-моделей планеты! У нее власть, престиж, связи... Стоит ей шепнуть пару словечек в нужное ушко – и человеку в моем положении крышка. – Леонардо потрогал декоративную сеть с камнями, свисавшую со стены. – Если она заявит во всеуслышание, что мои модели никуда не годятся, сбыт немедленно упадет. Уж она-то знает, как этого добиться! А этот показ... Я на него жизнь положил! Пандора знает, как я старался, и сумеет оставить меня с пустыми руками. Но, боюсь, она и на этом не остановится... – Леонардо удрученно покачал головой. – Мэвис еще не поняла всего. Пандора способна всю жизнь держать на мушке и меня, и ее. Я никогда от нее не избавлюсь, лейтенант, пока она сама не захочет прекратить наши отношения.

Ева добралась до дома вконец измотанная. Мэвис залила ее слезами и вычерпала до дна ее энергию. На успокоение несчастной ушла тонна мороженого и многочасовая видеопрограмма на старой Евиной квартире.

Мечтая забыть о всплесках чужих чувств и о высокой моде, вернувшись в дом Рорка, Ева направилась напрямик в спальню и упала ничком на кровать. Кот Галахад с громким урчанием пристроился рядом. Его попытки обратить на себя внимание ни к чему не привели, и он погрузился в сон. Вернувшийся Рорк нашел обоих лежащими неподвижно.

– Как прошел выходной?

– Терпеть не могу заниматься одеждой.

– Ты просто еще не вошла во вкус.

– Кому это надо? – Ева перевернулась на спину. – Разве что тебе. Это ты у нас любитель совершать покупки.

– Еще какой! – Рорк растянулся рядом с Евой и стал гладить кота, залезшего ему на грудь. – Покупать – почти так же приятно, как просто обладать. У бедности одни только недостатки, лейтенант.

Ева обдумала его слова. Раньше и она была бедна, но напрягла все свои силы для того, чтобы вырваться из трясины. Ей было нечего возразить Рорку.

– Ладно, сдаюсь. Тем более что худшее, кажется, уже позади.

– Как быстро! – В его голосе звучало не только удивление, но и беспокойство. – Надеюсь, ты не слишком поторопилась?

– Нет, я была очень осторожна. Оказывается, с Леонардо вполне можно договориться. – Глядя через окно в крыше на белесое небо, Ева нахмурилась. – А знаешь, Мэвис в него влюблена...

– В самом деле?

Рорк лежал с полужакрытыми глазами, поглаживая кота, и слушал Еву рассеянно. Она тяжело вздохнула.

– Знал бы ты, какой у меня выдался денек!

Голова Рорка была забита цифрами, относившимися к трем крупным сделкам, но он отвлекся от дел и придвинулся ближе.

– Расскажи.

– Леонардо – крупный мужчина и, должна признать, чертовски привлекательный, сама не знаю почему. Наверное, в нем много индейской крови. Об этом говорит телосложение, цвет

кожи. Бицепсы у него каменные, а голос сладкий-сладкий... Я, конечно, не специалистка, но его наброски, по-моему, свидетельствуют об одаренности. В общем, стою я перед ним в чем мать родила...

– В чем, в чем? – Рорк сбросил кота и навалился на Еву.

– Он же должен был снять с меня мерку! – пояснила она со смехом.

– Дальше.

– Мэвис вышла налить чай...

– Как удобно!

– И вдруг вбегает незнакомая баба – злющая, так и брызжет слюной. Собой хороша: высокая, стройная, изящная, как статуэтка, длинные рыжие волосы, в общем, картинка. Как начала орать на этого детину! У него поджилки затряслись. А потом, представь, прыгнула на меня... Пришлось ей врезать.

– Ударить женщину?!

– А что, лучше было позволить ей разодрать мне ногтями лицо в клочья?

– Моя ненаглядная Ева! – Он поцеловал ее в щеку, потом в другую, потом в ямочку на подбородке. – Что-то в тебе все-таки есть: в твоём присутствии в любом просыпается зверь.

– Просто мне везет. В общем, эта Пандора...

– Пандора? – Рорк насторожился, прищурился. – Модель?

– Она самая. Говорят, от нее вся планета без ума.

Рорк засмеялся – сначала тихонько, потом все громче и громче и наконец неудержимо захохотал. Он повалился на спину, лоя ртом воздух.

– Ты ударила бесценную Пандору по личику стоимостью в миллиард долларов?! А по попке ты ее, случайно, не нашла?

– Пришлось. – Ева сразу смекнула, что дело нечисто, и задохнулась от ревности. – Ты ее знаешь?

– Вроде того. – Он насмешливо приподнял одну бровь.

Ева села и устремила на него негодующий взгляд. Рорку еще не приходилось видеть ее такой. В глазах Евы заблестела сталь.

– Это было недолгое знакомство. – Он почесал подбородок. – Не стоит об этом вспоминать.

– Не пудри мне мозги.

– Как можно! Так ты сказала, что она...

– Слушай, найдется хоть одна красotka, с которой ты не спал?

– Если хочешь, я составлю список. Значит, ты засветила ей промеж глаз?

– Что-то вроде этого. – Ева уже сожалела о своих упреках. – Она начала стонать и причитывать, но тут появилась Мэвис. Пандора сразу переключилась на нее, они вцепились друг другу в волосы и покатались по полу. А Леонардо знай заламывает руки, как дешевый трагик. Пришлось мне самой их разнимать.

Рорк обнял ее за плечи.

– Видишь, какая у тебя насыщенная жизнь!

– То ли еще будет! Пандора поставила Леонардо ультиматум: либо он бросает Мэвис и возвращается к ней, либо она запретит показ моделей, на который он очень рассчитывает. Кажется, он все поставил на эту карту, назанимал денег... Если она испортит ему игру, он просто разорится.

– Это на нее похоже.

– После ухода Пандоры Мэвис...

– Ты все это время оставалась голой?

– Конечно, нет. Так вот, Мэвис трогательно решила пожертвовать собой. Просто слезоточивая драма! Леонардо клянется в вечной любви, она, рыдая, убегает... Клянусь, Рорк, я

чувствовала себя извращенкой, подглядывающей в замочную скважину. Я отвезла Мэвис на свою квартиру – пусть проведет там хотя бы одну ночь, придет в себя. Ей надо явиться в клуб только завтра.

– Продолжение следует, – пробормотал Рорк и улыбнулся, но Ева осталась серьезной. – Мыльная опера: домохозяйки с замиранием сердца ждут, чем все кончится. А как настроен главный герой?

– Тот еще герой! – махнула рукой Ева. – А вообще-то он мне симпатичен, хоть и размазня. Он настроен размозжить Пандоре башку, но, скорее всего, задерет лапки. Может, пригласим Мэвис провести несколько дней здесь, если это ей поможет?

– Пожалуйста.

– Правда?!

– Конечно, правда. Ты же сама все время повторяешь, что этот дом слишком велик. К тому же Мэвис мне нравится.

– Знаю. – Ева редко улыбалась, тем ценнее была эта ее мимолетная улыбка. – Спасибо. А как провел время ты?

– Купил небольшой остров. Шучу, шучу, – успокоил он Еву, разинувшую от изумления рот. – Просто завершил переговоры о создании фермерской коммуны неподалеку от «Олимпуса».

– Фермерской?

– Людям надо есть. А кроме того, коммуна сможет снабжать продовольствием курорт. Ты же знаешь, я вложил в строительство немалые средства. Как говорится, рука руку моет.

– Не сомневаюсь. А все-таки как насчет Пандоры?

Вместо ответа Рорк сорвал с нее блузку, на которой уже успел расстегнуть пуговицы.

– Перестань сейчас же! Ты нарочно меня отвлекаешь. Сколько времени займут твои показания?

Он передернул плечами и нашел губами чувствительное местечко у нее на шее.

– Все понятно: ночь, неделю... Месяц? Я же просила меня не отвлекать!

Но Рорк начал осыпать поцелуями грудь Евы, и все ее тело вспыхнуло огнем.

– Сейчас я разбужу в тебе интерес, – пообещал он – и сдержал обещание.

Ева была согласна начать день с чего угодно, но только не с посещения морга... Она брела по безмолвному в этот ранний час вестибюлю, выложенному белой плиткой, стараясь не думать о предстоящей процедуре. Ей нужно было опознать выуженный из воды труп.

Остановившись перед запертой дверью, Ева нажала кнопку, назвала себя, и через несколько секунд дверь открылась.

У стены с ячейками Еву подждал работник морга. Ева подумала, что почти все ячейки, наверное, заняты: летом люди мрут как мухи.

– Лейтенант Даллас?

– Да.

– Для вас тут небольшой подарочек. Прошу. – Работник морга шагнул к одной из ячеек и набрал на пульте код. Несколько лампочек замигали, и ячейка, окутанная холодным паром, выехала из стены. – Сотрудница полиции, первой обнаружившая труп, узнала вашего осведомителя.

Ева старалась дышать ртом, хотя в этом не было необходимости: никакого запаха не ощущалось. Зрелище насильственной смерти было для нее далеко не новым, но одно дело – труп на месте убийства, и совсем другое – здесь, в стерильном морге. Среди девственно-белых стен смерть выглядела еще отвратительнее, хотя Ева не сумела бы объяснить почему.

– Да, это Картер Йохансен по кличке Бумер. Последний известный адрес – ночлежка на Бикон-стрит. Мелкий воришка, профессиональный стукач. Изредка предоставлял сведения

о торговцах наркотическими веществами, влачил жалкое существование. – Она со вздохом осмотрела тело. – Черт, Бумер, как же они тебя отделали...

– Тупой инструмент, – отозвался патологоанатом. – Кусок трубы или бейсбольная бита. Мы еще не закончили анализы. Удары наносились изо всей силы. Тело пробыло в воде не больше двух часов. Все повреждения налицо...

Ева отключилась: пусть себе бормочет, она и так все видит собственными глазами.

Погибший никогда не был красавцем, а теперь на его лицо лучше вообще не смотреть – так мало от него осталось. Сломанный нос, изуродованный ударами рот. Страшный синяк на шее – след удушения; о том же говорили лопнувшие сосуды под кожей лица – если это месиво еще можно было называть лицом.

Тело представляло собой сплошной кровоподтек. На левой руке отсутствовал один палец, но это была старая боевая травма, которой погибший при жизни гордился.

Ясно было одно: над несчастным хляком Бумером потрудились злобный и жестокий убийца. А то, что оказалось не под силу ему, успели доделать за два часа рыбы.

– Сотрудница полиции опознала его по отпечаткам. Вы подтверждаете опознание?

– Да. Направьте мне копию рапорта о вскрытии. – Ева двинулась к выходу. – Кстати, как фамилия нашей сотрудницы? – спросила она, не оборачиваясь.

Мужчина вынул из кармана пачку бумаг и порылся в них.

– Делия Пибоди.

– Пибоди? – Ева чуть заметно усмехнулась. – Всюду я натываюсь на нее! Если кто-то будет наводить о нем справки, немедленно сообщите мне.

По пути в Центральный участок Ева связалась с сержантом Пибоди и услышала спокойный, серьезный голос:

– Слушаю, лейтенант.

– Это вы обнаружили Йохансена?

– Так точно. Я уже заканчиваю рапорт. Могу направить вам копию.

– Направьте. Как вы его опознали?

– Когда его вытащили из воды, я сняла отпечатки пальцев. На правой руке пальцы были почти не повреждены. Вернувшись в участок, я проверила отпечатки. Я слыхала, что он был вашим осведомителем.

– Был. Хорошая работа, сержант.

– Рада стараться!

– Хотите участвовать в расследовании?

Ева помнила, какую неопределимую помощь оказала ей Пибоди в недавнем деле Морса.

– Так точно! Расследование поручено вам?

– Он работал на меня, – лаконично ответила Ева. – Мне и разбираться. Жду вас в своем кабинете через час.

– Слушаюсь! Спасибо, лейтенант.

– Даллас, – проворчала Ева. – Просто Даллас.

Но Пибоди уже выключила связь.

Ева покосилась на часы и решила, что успеет заехать по дороге в кафе для автомобилистов. Здесь поили не таким мерзким кофе, как у них в участке. Подкрепившись кофе и изделием, по недоразумению обозначенным в меню как сладкая булочка, она приготовилась предстать перед начальством.

Уже в душном лифте она почувствовала, что волнуется. Сколько она ни уговаривала себя, что переживает по пустякам, что пора все забыть, от прошлого дела остался неприятный осадок. Каждая встреча с шефом теперь давалась ей с трудом.

Родной вестибюль встретил ее перемигивающимися пультами, темными стенами, протертыми коврами. Она доложила о себе в приемной майора Уитни. Секретарша бесцветным голосом предложила ей присесть и подождать вызова.

Она так и сделала, хотя в другое время предпочла бы, наверное, подойти к окну или полистать старый журнал. Экран у нее за спиной демонстрировал без звука круглосуточные новости, нисколько ее не интересовавшие.

Несколько недель назад Ева до тошноты объелась новостями и публикой, зарабатывающей ими себе на хлеб. Слава богу, такая мелкая сошка, как бедняга Бумер, не могла вызвать интереса у средств массовой информации.

– Лейтенант Даллас, майор Уитни просит вас к себе.

Миновав несколько дверей с хитрыми запорами, Ева свернула налево и очутилась в кабинете Уитни.

– Здравствуйте, лейтенант.

– Спасибо, что нашли возможным меня принять, сэр.

– Садитесь.

– Нет, благодарю. Я ненадолго. Я только что была на опознании уопленника. Это Картер Йохансен, один из моих осведомителей.

Уитни, крупный мужчина с суровым лицом и усталыми глазами, откинулся в кресле.

– Бумер? Тот самый, что когда-то устраивал взрывы по поручению уличных воров? Ему еще оторвало указательный палец правой руки.

–левой, сэр, – поправила Ева.

–левой так левой.

Уитни сложил руки на столе и устремил на Еву мрачный взгляд. Недавно он допустил ошибку в деле, касавшемся – не по долгу службы – его лично. Дело расследовала Ева. Уитни понимал, что то дело создало определенную напряженность в их отношениях – Ева по-прежнему подчинялась ему, уважала его, но что-то неуловимо изменилось, и это огорчало Уитни.

– Насколько я понимаю, причина смерти – умышленное убийство?

– Я еще не имею данных вскрытия, но, похоже, прежде чем бросить в реку, его здорово отколошматили и для верности удушили. Я хотела бы разобраться в этом до конца.

– Он помогал вам в одном из текущих расследований?

– В текущем – нет, сэр. Время от времени он снабжал информацией отдел по борьбе с наркотиками. Хочу выяснить, с кем конкретно в этом отделе он сотрудничал.

– Это дело не помешает вашей текущей работе, лейтенант?

– Справлюсь.

– Боюсь, что у вас будет слишком много работы. – Он постучал пальцами по столу. – Не мне вам объяснять, Даллас, что люди вроде Йохансена обречены на несчастье. Рано или поздно оно их настигает. Мы с вами знаем, как в такую жару возрастает число убийств. Я не могу допустить, чтобы мои лучшие детективы отвлекались на второстепенные дела.

Ева стиснула зубы.

– Он был моим человеком. Прежде всего моим, потом – все остальное.

Уитни понимал, что именно преданность отличает Еву от большинства его сотрудников. Пожалуй, именно это качество он ценил в ней больше всего.

– Ладно. Можете считать это дело своей первоочередной задачей на протяжении суток. Еще двое суток оно будет числиться среди первостепенных. Но на четвертые сутки я передам дело кому-нибудь из менее опытных детективов.

Ни на что большее Ева и не рассчитывала.

– Не могли бы вы выделить мне в помощь сержанта Пибоди?

Майор нахмурился:

– Хотите, чтобы с вами этим пустяком занимался кто-то еще?

– Да, и именно Пибоди, – невозмутимо отчеканила Ева. – Она проявила себя отличным полицейским. Пусть приобретает следственный опыт.

– Она ваша на три дня. Но помните: если возникнет что-то погорячее, я отберу у вас дело.

– Слушаюсь, сэр.

– Даллас! – остановил ее Уитни, когда она повернулась, чтобы уйти. Он был готов забыть о гордости. – Ева... Мне еще не представилось случая выразить вам свои наилучшие пожелания в связи с предстоящим замужеством.

Ева удивленно расширила глаза: он застал ее врасплох.

– Благодарю, сэр.

– Надеюсь, вы обретете счастье.

– Я тоже на это надеюсь.

Пробравшись сквозь столпотворение коллег, Ева добралась наконец до своего кабинета. Разговор с Уитни сильно ее смутил, теперь ей хотелось уединиться. Но как только она закрыла дверь, раздался звонок телефона. Это был капитан Райан Фини из отдела электронного слежения. Услышав его хрипловатый голос, Ева с облегчением улыбнулась.

– Рано ты пожаловал на рабочее место.

– Не то слово! Даже позавтракать не успел. – Он чем-то захрустел. – Тут кое-что поломалось, и, конечно, никто, кроме меня, не может устранить поломку.

– Быть незаменимым – тяжкий труд! Послушай, можешь срочно провести поиск? Неофициально, для меня?

– Мое любимое занятие. Выкладывай.

– Кто-то прикончил Бумера.

– Грустно слышать. Кстати, классное печенье! – В трубке снова раздался хруст. – Тот еще был тип, но с заданиями справлялся. Когда это случилось?

– Точно не знаю. Сегодня на рассвете его вытащили из Ист-ривер. Мне известно, что он иногда снабжал информацией отдел по борьбе с наркотиками. Можешь узнать поточнее?

– Установление связи между осведомителями и потребителями доносов – хитрая задача, Даллас. Сама понимаешь, какая тут соблюдается секретность. Это только у тебя все на виду...

– Так да или нет?

– Сделаем, сделаем! – проворчал Фини. – Только ты уж меня не выдавай. Копы страшно не любят, когда роются у них за пазухой.

– Он еще будет мне рассказывать! Заранее спасибо, Фини. Видел бы ты, как его отделали! Мне ясно одно: если он и знал что-то такое, за что его следовало бы угробить, то это были не мои дела.

– Не твои – значит, чьи-то еще. Я с тобой свяжусь.

Уставившись в экран компьютера, Ева попыталась привести в порядок свои мысли. Перед ее глазами все еще стояло изуродованное лицо Бумера. Удары, скорее всего, наносили обрезком трубы или битой, но без кулаков тоже не обошлось. Уж она-то знала, какие следы способны оставить на человеческой физиономии костяшки пальцев. И что чувствует человек, которого беспощадно колотят...

У ее папаши были очень сильные руки.

Долгие годы Ева пыталась обмануть себя, притвориться, что все забыла. Но напрасно: она прекрасно помнила это ощущение, помнила, как потрясает удар еще до того, как даст о себе знать боль.

Что страшнее – побои или надругательство? У нее не было на это ответа. Одно и другое было слишком тесно переплетено в ее памяти, в ее ночных кошмарах...

Под каким невероятным углом была вывернута рука у Бумера! Там наверняка не только перелом, но и вывих. В голове у нее прозвучал отвратительный хруст, с которым ломается человеческая кость. Она почувствовала тошноту, услышала чей-то истошный визг. Это должен

был быть крик отчаяния, но смрадная ладонь, зажимающая рот, превращала крик в постыдный визг...

Ева очень хорошо представляла себе все это. Холодный пот, окатывающий все тело, уни- зительный страх перед неизбежными побоями, превращающими тебя в труп. В такие минуты человек молит всевышнего, чтобы поскорее прибрал его грешную душу...

Стук в дверь заставил Еву подскочить. Она действительно взвизгнула или это ей только показалось? За стеклянной дверью, расправив плечи, стояла Пибоди в тщательно отглаженной форме.

Ева вытерла рукой лоб, пытаясь успокоиться. Пора за работу!

3

Ночлежка, где находил убежище Бумер, была приличнее многих других. Раньше здесь располагался дешевый мотель, где проститутки снимали номера на час, и с тех пор практически ничего не изменилось. В четырехэтажном здании не было лифта, зато в вестибюле висели тусклые зеркала и имелся даже сомнительный охранник у двери.

Судя по запаху, люди из департамента здравоохранения недавно морили здесь насекомых и грызунов.

Охранник долго рассматривал Евин значок.

– Мы выполняем все предписания, – наконец заявил он. – У нас все спокойно.

– Меня интересует Йохансен. – Ева убрала значок. – Кто его в последнее время навещал?

Охранник насупился.

– Я не обязан проверять посетителей. Мое дело собирать плату и следить за порядком.

– Хотите, чтобы мы сами проверили, кто посещает ваше заведение? Мне нетрудно напустить на вас полицию нравов.

Упоминание о полиции нравов сразу развязало охраннику язык.

– Йохансен живет в комнате 3В. Ушел вчера поздно вечером, один. За последние пару недель у него вообще не было посетителей.

– Мы намерены осмотреть его комнату.

Охранник пожал плечами.

– Третий этаж, вторая дверь налево. Только не беспокойте других жильцов. У нас полный порядок.

– Просто рай на земле. – Ева начала подниматься по деревянным ступенькам, о которые точило зубы не одно поколение крыс. – Будете записывать, Пибоди.

– Слушаюсь. – Пибоди послушно вытащила из кармана блокнот. – Раз он ушел поздно вечером, значит, у убийцы было не так уж много времени.

– Достаточно, чтобы выбить из человека душу.

Ева с отвращением скользила глазами по стенам, исписанным скабресными приглашениями и анатомическими подробностями. У кого-то из «писателей» было неладно с орфографией: стену покрывало неправильно написанное, но многократно повторенное ругательство. Впрочем, вдохновлявшая художников и писателей мысль сомнений не вызывала.

– Уютное местечко!

– Прямо дом моей бабушки.

Ева удивленно взглянула на Пибоди.

– Надеюсь, вы пошутили?

Пока она возилась с замками, Пибоди то краснела, то бледнела от смущения и пришла в себя только через несколько минут.

– Здорово замуровался! – Ева отперла последний замок и вытерла со лба пот. – Дорогое удовольствие. Каждая такая игрушка прилично стоит. Непонятно, зачем ему было все это... – Она распахнула дверь. – Черт, Бумер, как можно разводить такое свинство?!

В комнате было убийственно жарко. Температура в ночлежке регулировалась очень просто – открыванием и закрыванием окон. Бумер игнорировал эту операцию, поэтому в его берлоге нечем было дышать.

Ароматы здесь витали разнообразные: сгнившая еда, грязная одежда, пролитое виски. Доверив Пибоди первоначальный осмотр, Ева остановилась в центре маленькой каморки и удрученно покачала головой.

Простыни на узкой койке были запятнаны веществом, которое у нее не было охоты анализировать. Пол был усеян пустыми бутылками, скомканными пакетами от еды из дешевых заку-

сочных. Горы грязного белья в углах свидетельствовали, что Бумер не принадлежал к любителям стирки. Подошвы прилипали к полу, каждый шаг сопровождался чавкающими звуками.

Чтобы не скончаться от зловония, Ева бросилась открывать единственное окно. Рывок – и в каморку ворвался поток воздуха и уличных шумов.

– Боже, что за гадкое место! А ведь Бумер зарабатывал доношением кое-какие деньги. Можно подумать, что он нарочно нищенствовал. Зачем?

– Наверное, хотелось.

– Ну-ну... – Ева, задержав дыхание, решила заглянуть в ванную. Унитаз из нержавеющей стали, раковина, душевая кабинка, в которой мог поместиться только карлик. Вонь была такая, что к горлу подкатывала тошнота. – Трехдневный труп и то так не смердит. – Она захлопнула дверь и оглядела комнату. – Вот, значит, на что шли все его деньги!

В углу стоял массивный рабочий стол, на котором размещался дорогой компьютер, видеомонитор и телевизор с огромным экраном. Над ним висела полка, забитая дисками и кассетами. Ева взяла наугад одну и прочла маркировку.

– Культурный был человек, как я погляжу. «Наглые сиськи блондинистых сук».

– А я-то думала, это прошлогодний лауреат «Оскара»...

Ева фыркнула и брезгливо отшвырнула кассету.

– Один – ноль в вашу пользу, Пибоди. Скоро вам пригодится весь ваш юмор: нам предстоит проверить всю эту дрянь. Соберите кассеты, запишите номера и названия. Просмотром займемся в управлении.

Ева прослушала записанные Бумером телефонные звонки. Тут были заказы еды, разговор с телефонной проституткой, стойкий заказчику целый разговор, два звонка подозрительного торговца запрещенным товаром. Впрочем, собеседники болтали в основном про спорт – бейсбол и силовые единоборства. Как ни странно, Бумер дважды за последние тридцать часов набирал ее рабочий телефон, но сообщений не оставлял.

– Он пытался со мной связаться, – пробормотала Ева. – Но почему ничего не передал? Это на него не похоже. – Она вынула кассету и передала ее Пибоди.

– Не похоже, что он чего-то боялся, был чем-то встревожен.

– Вы правы. Бумер ничем не отличался от других осведомителей: если бы он заподозрил, что попался, то тут же бросился бы ко мне за защитой. Ладно, Пибоди, теперь самое неприятное. Пора браться за его барахло.

Через несколько часов они едва стояли на ногах от усталости и отвращения. Повинуясь приказанию Евы, Пибоди ослабила воротник и закатала рукава, но пот все равно заливал ей лицо.

– А я-то думала, что самые страшные свиньи – это мои братья!

Ева отшвырнула ногой грязное белье.

– Сколько их у вас?

– Двое. И еще сестра.

– Значит, вас четверо?

– Мои родители – мормоны, – объяснила Пибоди смущенно, как бы оправдываясь. – Их конек – жизнь на природе и естественное продолжение рода.

– Вы все больше меня удивляете, Пибоди. Суровый сержант полиции, убежденная городская жительница оказывается дочерью мормонов! А что ж вы не стали растить люцерну и воспитывать потомство?

– Мне нравится разнообразие.

– Уважительная причина.

Самое худшее Ева оставила напоследок. Сейчас она с нескрываемым отвращением осматривала кровать. Ей не давала покоя мысль о вшах и блохах.

– А теперь займемся матрасом.

Пибоди с трудом проглотила слюну.

– Слушаюсь.

– Не знаю, как вы, Пибоди, а я, как только мы отсюда вырвемся, помчусь напрямиком в пункт дезинфекции.

– И я с вами.

Первым делом – простыни. Тут их не поджидали никакие неожиданности – только запах и мерзкие пятна. Конечно, можно было бы пригласить специалистов для более подробного изучения, но Ева не сомневалась, что Бумера убили не здесь. Впрочем, она уделила внимание подушке: основательно порылась внутри. Потом они с Пибоди с двух сторон подхватили матрас, который оказался страшно тяжелым, словно его набили кирпичами, а не поролоном. Женщины с кряхтением перевернули его.

– Наверное, бог все-таки есть, – прошептала Ева.

К изнанке матраца были прикреплены два свертка. В одном оказался бледно-голубой порошок, в другом – запечатанная дискета. Чтобы побороть желание высыпать порошок в унитаз, Ева занялась дискетой. На ней не оказалось маркировки, но в отличие от остальных дискет в комнате она была тщательно упакована и защищена от пыли.

Еву подмывало изучить дискету прямо на компьютере Бумера, но брезгливость пересилила. С вонищей, потом, даже грязью она бы смирилась, но опасение подцепить паразитов не позволяло здесь задерживаться.

– Все, уносим ноги!

Выпустив наружу Пибоди с коробкой вещественных доказательств, Ева оглядела напоследок берлогу, в которой жил Бумер, потом заперла замки и опечатала комнату.

* * *

Дезинфекция – безболезненная, но не очень-то приятная процедура. Единственное ее достоинство – быстрота. Ева и Пибоди, раздевшись догола, уселись в кабинке на двоих, стены которой излучали горячее белое свечение.

– Похоже на сауну, – заметила Пибоди.

Ева усмехнулась.

– А я именно таким представляю себе ад. – Она закрыла глаза и попыталась расслабиться, но в замкнутом пространстве ей всегда становилось не по себе. – Знаете, Пибоди, я завербовала Бумера лет пять тому назад. Он, конечно, особенно ничем не блистал, но такой неопрятности я не могла себе представить. – Ее все еще преследовал отвратительный запах ночлежки. – Когда мы встречались, он выглядел вполне прилично. Расскажите, что вы обнаружили у него в ванной.

– Грязь, плесень, какая-то слизь, нестиранные полотенца... Но при этом – два куска мыла, один нераспечатанный, полтюбика шампуня, зубная паста, электрическая зубная щетка, бритва. Одна сломанная расческа.

– Все, что полагается. Он за собой следил, Пибоди. Даже считал, что на него обращают внимание женщины. Уверена, эксперты скажут, что еда, грязная одежда и прочая дрянь провалялись там две, а то и все три недели. Какой вы делаете из этого вывод?

– Одно из двух: или он в последнее время совсем опустился, уже ни на что не обращал внимания, или от кого-то прятался, был чем-то всерьез напуган.

– Совершенно верно. Очевидно, Бумер был не в таком отчаянии, чтобы мчаться ко мне, но достаточно обеспокоен, чтобы кое-что припрятать под матрасом.

– Нечего сказать, удачное выбрал местечко. Под матрас-то никому не пришлось бы в голову заглянуть, – усмехнулась Пибоди.

– Да, сообразительностью он не блистал, – согласилась Ева. – Как вы думаете, что это за порошок?

– Запрещенное вещество.

– Никогда не видела наркотиков такого цвета. Это что-то новенькое, – отозвалась Ева. Белое свечение сменилось серым, раздался звуковой сигнал.

– Кажется, мы снова чистые! Давайте поскорее оденемся и поставим дискету.

– Что за чертовщина?! – Ева непонимающе уставилась на монитор, машинально теребя крупную бриллиантовую подвеску на шее – подарок Рорка.

– Какие-то формулы...

– Сама вижу, Пибоди. Терпеть не могу науку! – Ева с надеждой оглянулась. – А вы во всем этом разбираетесь?

– Никак нет. Ни капельки.

Мешанина из цифр и символов вызвала у Евы головную боль, и она закрыла глаза.

– В моем компьютере нет соответствующей программы. Придется обратиться в лабораторию. – Она нетерпеливо забарабанила пальцами по столу. – Скорее всего, это формула химического состава порошка из-под матраса. Только зачем такому недотепе, как Бумер, химическая формула? Нужно срочно выяснить, кто его другой куратор. Кстати, Пибоди, откуда вы узнали, что Бумер работает со мной?

Пибоди, борясь с замешательством, опустила глаза.

– Вы упоминали его в нескольких рапортах по раскрытым делам, мэм.

– У вас привычка читать чужие рапорты, Пибоди?

– Только ваши.

– Почему?

– Потому что вы лучше всех.

– Вы что, подлизываетесь или метите на мое место?

Пибоди пожала плечами:

– Оно освободится, когда вам присвоят капитанское звание.

– С чего вы взяли, что я стремлюсь в капитаны?

– Потому что не стремиться было бы глупо. А вы не глупы.

– Ладно, замнем. Может быть, вы все-таки просматриваете какие-нибудь другие рапорты?

– Только по службе.

– Есть предположения, кто бы мог быть куратором Бумера в отделе по борьбе с наркотиками?

– Никак нет. Ни разу не видела, чтобы его имя упоминалось в связи с другим сотрудником полиции, кроме вас. У большинства осведомителей только один куратор.

– Наверное, Бумер любил разнообразие, как вы... Что ж, придется поработать на улице. Проверим его излюбленные точки и посмотрим, что получится. В нашем распоряжении всего два дня. Если вас ждут дома, у камина, предупредите, чтобы не ждали.

– У меня никого нет. Сверхурочные часы меня не пугают.

– Вот и хорошо. – Ева встала. – Седлаем коней. Кстати, Пибоди, мы с вами уже видели друг друга голышом, так что бросьте эти ваши «никак нет», «так точно» и прочую муру! Называйте меня просто Даллас.

– Так точно, мэм.

Уже глубокой ночью, на последнем издыхании Ева открыла входную дверь, выругалась, споткнувшись о кота, который вообразил себя сторожем, и заковыляла вверх по лестнице.

Чего она только не навиделась за этот вечер! Сомнительные бары, заведения со стриптизом, грязные улочки, где дешевые проститутки караулят клиентов. Все это сливалось в неаппетитную мешанину, в которой до недавних пор протекала жизнь Бумера.

Разумеется, все изображали полнейшее неведение. Никто ничего не видел! Единственная полезная информация, которую она добыла, заключалась в том, что Бумер не давал о себе знать и никому не попадался на глаза целую неделю, а то и дольше.

Что, впрочем, не помешало неизвестным отправить его на тот свет... У Евы оставалось все меньше времени, чтобы узнать, кто это сделал и почему.

В спальне царил полумрак. Она уже сняла и отбросила в сторону форменную рубашку, когда заметила, что кровать пуста. Она ощутила разочарование, которое очень скоро переросло в настоящую панику, как ни неприятно было это сознавать.

«Вынужденный отъезд? – пронеслось в голове. – Он может сейчас лететь в любой уголок мира. Возможно, будет отсутствовать несколько дней...»

Не сводя растерянного взгляда с кровати, Ева сбросила туфли, стянула узкие брюки, нашарила в ящике комода ночную рубашку и натянула ее через голову.

Позор! Стоит Рорку отлучиться по делам – и она уже погибает от тоски. Конечно, ведь теперь ей не к кому прижаться! Некому развеять ночные кошмары, которые в последнее время одолевают ее все сильнее...

«Я так устала, что сегодня наверняка удастся обойтись без сновидений, – сказала она себе. – В ближайшие дни мне будет просто некогда грустить. И у меня достаточно силы духа, чтобы не вспоминать вещей, которые хочется вообще изгнать из памяти».

Внезапно дверь открылась, и Ева испытала такое невероятное облегчение, что ей снова стало стыдно.

– Я подумала, что ты уехал.

– Я работал. – Рорк подошел ближе. В полумраке его черная рубашка резко контрастировала с ее белой ночной сорочкой. Он приподнял ей подбородок, заглянул в глаза. – Объясните, лейтенант, почему вы вечно так носитесь, что потом валитесь, как загнанная лошадь?

– Очень срочное расследование. – То ли от чрезмерной усталости, то ли потому, что постепенно училась любить, она провела ладонями по его лицу – слишком откровенное выражение нежности для Евы Даллас. – Как я рада, что ты не уехал!

Рорк взял ее на руки и понес к кровати.

– Я имела в виду не это...

– Я тоже. Просто хочу уложить тебя спать.

Что толку спорить, когда глаза закрываются сами собой?!

– Ты прослушал мое сообщение на автоответчике?

– Еле разобрался – такое оно запутанное: «Буду поздно». – Он поцеловал ее в лоб. – Все, отключайся.

– Сейчас... – Она отчаянно боролась с дремотой. – Я улучила пару минут для разговора с Мэвис. Она хочет дня два никуда не высываться. Даже в «Голубой белке» не появится. Говорят, Леонардо заглядывал туда уже несколько раз: все ищет ее.

– Вот она, истинная любовь!

– Похоже на то. Завтра или послезавтра попытаюсь выкроить время и заскочить к ней.

– Ничего с Мэвис не случится. Если хочешь, я могу заехать к ней вместо тебя.

– Спасибо, но с тобой она не станет говорить на эту тему. Я займусь ею, как только разберусь с Бумером. Голову даю на отсечение, он не мог сам работать с этой дискетой...

– Где ему... – пробормотал Рорк, ни о чем не спрашивая: он надеялся, что Ева вот-вот уснет.

– Не то чтобы у него были проблемы с математикой: деньги он считал ловко. Но специальные формулы... – Она вдруг резко села, едва не врезавшись головой Рорку в подбородок. – С ними справится твой компьютер!

– Неужели?

– Я обращалась в лабораторию, но у них полно работы, а мое расследование совсем не приоритетное. – Ева уже была на ногах. – Твоя незарегистрированная система может выполнить научный анализ?

– Конечно. – Он со вздохом поднялся. – Насколько я понимаю, тебе загорелось прямо сейчас?

– Мы запросим данные из моего компьютера. – Она схватила его за руку и потащила к панели, за которой находился лифт. – Это не займет много времени.

В лифте Ева кратко посвятила Рорка в курс дела. На то, чтобы окончательно проснуться и загореться энтузиазмом, у нее ушли считанные минуты.

Компьютерная система была очень сложной. Но Ева уже умела пользоваться ею в экстренных случаях. Впрочем, сейчас она хотела всего лишь получить информацию со своего собственного компьютера.

– У тебя получится быстрее, чем у меня, – сказала она. – Мой личный номер...

– Перестань. – В три часа ночи было не до формальностей. Рорк защелкал по клавишам. – Добро пожаловать в центральный компьютер Управления полиции.

– А мы-то уверены, что полностью защищены!

– Будут еще какие-нибудь пожелания, прежде чем я войду в твой компьютер?

– Нет, – твердо ответила она и подъехала в кресле вплотную к нему. Одна рука Рорка не покидала клавиатуру, другая скользнула по ее плечу. – Как же ты любишь эффекты!

– Подключаться по всем правилам – страшная скука.

На стене перед ними загорелся экран.

– Вещественное доказательство тридцать четыре-джей, – подсказала Ева и при появлении на экране формулы покачала головой. – Убедился? Для меня это все равно что древние иероглифы.

– Химическая формула, – определил Рорк.

– Это я и сама знаю! Сможешь разобраться?

– Я произвожу кое-какие препараты – исключительно разрешенные, – поспешно добавил Рорк. – Похоже, это какое-то болеутоляющее средство, но не только. Галлюциногенные свойства... – Он прищелкнул языком и покачал головой. – Первый раз вижу такое! Нестандартный состав. Сейчас попрошу компьютер проанализировать и идентифицировать.

– Значит, наркотик? – спросила Ева, дожидаясь, пока компьютер выполнит задание.

– Скорее всего.

– Это соответствует моей версии. Но зачем эта формула понадобилась Бумеру? И разве из-за какой-то формулы станут убивать?

– Это зависит от того, насколько выгодно ее можно продать. – Рорк хмуро наблюдал за первыми результатами компьютерной расшифровки. На дисплее появилась молекулярная схема, вся в разноцветных точках и спиральных. – Тут тебе и органическое возбуждающее средство, и стандартный химический галлюциноген – того и другого совсем понемножку, почти что в разрешенных дозах. А вот это уже относится к Ти-Эйч-Ар-пятьдесят...

– Я знаю этот наркотик. По-уличному – «Зевс». Опасная дрянь.

– Но все равно не из самых убойных. Какой любопытный состав! Даже с мятой – для лучшего усвоения. Как я погляжу, эту смесь можно выпускать и в жидком виде. Так, в сочетании с «Бриноком» получаем сексуальный стимулятор. В малых дозах – хорошее средство для лечения импотенции.

– Знаю-знаю! Один, помню, превысил дозировку и погиб, побив перед этим мировой рекорд по продолжительности мастурбации. Выбросился из окна от сексуальной безнадежности! Член у него был того же оттенка, что свиная колбаса, и твердый, как железобетонный столб.

– Спасибо за ценные подробности. А это что за фокусы?!

Рорк нажал еще несколько клавиш, но надпись на дисплее осталась прежней:

«Неизвестное вещество. Возможно, способствует регенерации клеток. Идентификация неосуществима».

– Глазам своим не верю! – пробормотал Рорк. – У меня самая последняя программа. Раньше она щелкала любые формулы, как орешки.

– Неизвестное вещество? Ну и ну, ради такого, наверное, можно пойти на убийство. А что мы имеем, если исключить неизвестное?

– Сейчас попробую идентифицировать с известными параметрами.

Рорк нажал еще одну клавишу, и на дисплее появилась новая надпись:

«Формула возбуждающего средства с галлюциногенными свойствами. Органическое основание. Быстро проникает в кровь и действует на нервную систему».

– Так, интересно, каковы результаты?

– «Недостаток данных». Черт! Рорк, запроси возможные результаты на основе имеющихся данных.

– «Вызывает эйфорическое чувство, паранойю, половое влечение, неадекватное восприятие собственных физических и умственных возможностей. Действие 55 мг на человека средней комплекции длится 4–6 часов. Превышение дозы в 100 мг чревато смертельным исходом в 87,3 % случаев. Вещество, сходное с THR-50, известным как «Зевс», с добавлением сексуального стимулятора и состава для клеточной регенерации».

– Знакомая история, – пробормотала Ева. – Многие наркоманы смешивают «Зевс» с «Эротикой». Получается гремучая смесь, под действием которой совершается большинство городских изнасилований. Но секрета в этом нет, большой возможности нажиться – тоже: ведь любой наркоман может приготовить себе эту смесь в портативной лаборатории.

– А как тебе эта неизвестная «клеточная регенерация»? – Рорк свел брови на переносице. – Это же легендарный «Фонтан юности»!

– Омоложение сейчас доступно любому, были бы деньги.

– Но только на время, – возразил Рорк. – Процедуры приходится регулярно возобновлять. Биопрепараты и инъекции от старения – дорогое, хлопотное, а часто и обременительное удовольствие. К тому же в данном случае все дело в сочетании. Плюс эти непонятные добавки...

– Наверное, благодаря им смесь становится эффективнее – или смертельна. В общем, рынок только ее и ждет.

– У тебя ведь есть сам порошок, – напомнил Рорк.

– Увы, лабораторный анализ займет слишком много времени. А мне надо торопиться.

– Может, принесешь щепотку мне? – Рорк развернулся вместе с креслом и улыбнулся Еве. – Не хочу бросать тень на полицейскую лабораторию, лейтенант, но моя может оказаться более подходящей.

– Это вещественное доказательство!

Рорк промолчал и только насмешливо приподнял брови.

– Ты хоть отдаешь себе отчет, сколько запретов я уже нарушила, посвятив тебя в это дело? – В следующую секунду в памяти Евы всплыло лицо Бумера, его неестественно вывернутая рука. – К черту! Я попробую.

– Молодец! – Рорк отключил компьютер. – Теперь ты готова уснуть?

– На пару часиков. – Ева перестала бороться с усталостью и, заложив руки за голову, спросила: – Ты снова меня уложишь?

– Так и быть. – Он подхватил ее на руки. – Только на сей раз ты останешься там, где я велю.

– Знаешь, Рорк, когда ты повелеваешь, мое сердце начинает трепетать, как мотылек...

– Подожди, дай мне тебя уложить. Вот когда начнется настоящий трепет!

Ева со смехом уронила голову ему на плечо. Из лифта он вынес ее уже спящей.

4

Еще не рассвело, а на столике в изголовье уже пищал сотовый телефон. Женщина по имени Ева еще спала, но полицейский, никогда в ней не засыпавший, тут же схватил трубку.

– Даллас на связи.

– Господи, Даллас! Помоги мне!

Ева узнала голос Мэвис. Впрочем, кто-нибудь другой вряд ли узнал бы его: голос срывался на визг, в нем слышались истерические нотки.

– Мэвис? Что случилось? Ты где?

– Приезжай! – Мэвис дышала, как загнанная лошадь, и для пушшего сходства хрипела. Она явно пребывала в шоке. – Только скорее. Скорее, умоляю! По-моему, она мертвая. Я не знаю, как быть.

Ева не стала больше спрашивать, где находится Мэвис, а включила определитель номера. Мэвис звонила из квартиры Леонардо.

– Никуда не уходи, – сказала Ева твердо и спокойно. – Ни к чему не прикасайся. Ты поняла? Ничего не трогай и никого не впускай. Дождись меня. Эй, Мэвис!

– Да, да, я дождусь. Ничего не буду трогать. Только ты побыстрее. Это такой ужас!

– Уже бегу.

Обернувшись, она обнаружила, что Рорк не только проснулся и встал, но уже успел натянуть брюки.

– Я с тобой.

Еве было не до споров. Уже через пять минут они неслись сквозь ночь. На улицах, запруженных днем туристами, было пусто, и только реклама по-прежнему соблазняла всеми мыслимыми удовольствиями и товарами. Зато в Гринвич-Виллидж было полно никогда не смыкающих глаз чудаков, попивающих из крохотных чашечек кофе в уличных кафе. Потом пошли уснувшие кварталы, облюбованные художниками.

Рорк нарушал молчание только для того, чтобы спросить, куда поворачивать. Ева была ему благодарна за деликатность. Она понимала, что с Мэвис случилось что-то ужасное, и терялась в догадках. Зачем ее понесло к Леонардо? Что она там обнаружила?

Между домами гулял ветер, грозящий превратиться в ураган. Ева выскочила из машины, когда Рорк еще не до конца затормозил, и чуть не задохнулась, получив в лицо порцию пыли. Преодолев тридцать ярдов, оставшихся до подъезда, она нажала кнопку переговорного устройства:

– Мэвис, это Даллас. Мэвис!

Только спустя десять секунд она догадалась, что устройство испорчено, а дверь не заперта. Ева бросилась к лифту, Рорк едва поспевал за ней.

Оказавшись на нужном этаже, Ева поняла, что ее страх был ненапрасным. В прошлый раз студия Леонардо поражала живописным беспорядком, теперь же здесь царил бессмысленный кавардак: куски разодранной материи, перевернутые столы, все, что только можно, разбросано и разбито.

Но хуже всего – эти пятна крови на стенах, словно здесь покуролесил какой-то безумец, обмакнувший руку в кровавую краску.

– Ничего не трогай! – автоматически предупредила Ева Рорка. – Мэвис!

Она сделала два шага и остановилась: одна из занавесок шевельнулась, потом отъехала в сторону. Показалась Мэвис, с трудом держащаяся на ногах.

– Даллас... Слава богу!

– Все в порядке, все в порядке... – При виде Мэвис Ева облегченно перевела дух. На одежде и на руках Мэвис была кровь, но не ее, чужая. – Тебе тоже досталось? Сильно?

– Головокружение и тошнота. Голова...

– Пусть лучше сядет. – Рорк взял Мэвис за руку и подвел к креслу. – Садись, вот так...

Ева, у нее шок. Принеси какое-нибудь одеяло. Обопрись головой о спинку, Мэвис. Молодец. А теперь закрой глаза и глубоко дыши.

– Мне холодно...

– Знаю. – Рорк взял из рук Евы большой кусок атласной ткани и накрыл им Мэвис. – Дыши как можно глубже, не торопись. – Он бросил взгляд на Еву. – Ей нужна медицинская помощь.

– Прежде чем вызывать «Скорую», надо разобраться, что тут стряслось. Постарайся пока сам ее успокоить.

Уже подозревая, что за находка ее ждет, она заглянула за занавеску.

Такой ужасной смерти Ева не пожелала бы никому. Она сумела опознать убитую только по волосам, огненной гриве волос. Лица с поразительно правильными чертами больше не существовало: под градом жестоких ударов оно превратилось в кровавое месиво.

Орудие преступления валялось тут же – то ли какой-то причудливый посох, то ли прогулочная трость, мало, впрочем, пригодная для использования по прямому назначению. Под запекшейся кровью можно было разглядеть серебряное покрытие толщиной в добрый дюйм; рукоятка была выполнена в виде волчьей головы с оскаленной пастью.

Два дня назад Ева видела эту трость здесь же, в углу.

В проверке пульса не было необходимости, но Ева все равно приподняла и опустила безжизненную руку Пандоры. Потом она невольно попятилась, чтобы не находиться в этом страшном месте даже лишние секунды.

– Господи... – прошептал у нее за спиной Рорк и положил руки ей на плечи. – Что же теперь?

– Что полагается. Мэвис здесь ни при чем.

Он заставил ее обернуться.

– Это мне и так ясно. Ты сейчас ей очень нужна – как подруга и как опытный полицейский.

– Знаю.

– Боюсь, вам обеим будет нелегко.

– Тем более нечего медлить!

Она вернулась к Мэвис. Та была мертвенно-бледной, багровые рубцы на щеке и синяк под глазом только подчеркивали белизну лица. Ева нагнулась и взяла ледяную руку Мэвис в свою.

– Тебе придется все мне рассказать. Можешь не торопиться, главное – ничего не упусти.

– Она не двигалась. Все в крови, лицо вообще как... И она не двигалась.

– Мэвис. – Ева крепко стиснула ее пальцы. – Посмотри на меня. Расскажи подробно, как все было, с той минуты, как ты сюда вошла.

– Я пришла... Я хотела... Я решила поговорить с Леонардо. – Она задрожала, комкая окровавленными руками материю, в которую куталась. – Мне позвонили из клуба, сказали, что, когда он в последний раз пришел туда искать меня, на нем лица не было. Он даже угрожал вышибале, а это на него не похоже. Я не хотела, чтобы он погубил свою карьеру, и решила с ним поговорить. Охранная система была сломана, и я вошла просто так. Дверь была не заперта, я подумала, что, может быть, он... – Мэвис перешла на неразборчивое бормотание.

– Леонардо был здесь?

– Леонардо? – Мэвис испуганно оглядела помещение. – Нет, кажется, его не было... Я позвала его, потому что испугалась этого разгрома, но мне никто не ответил. Потом я увидела кровь. Боже, сколько крови! Я испугалась, Даллас: вдруг он решил покончить с собой, совершил какую-нибудь глупость? Я заметалась, откинула занавеску и наткнулась... на нее. Кажется,

я потеряла сознание, а может быть, и нет. Помню, я стояла перед ней на коленях и пыталась закричать, но никак не могла. Крик звучал у меня в голове – страшный, непрекращающийся крик... А потом меня ударили, вот здесь... – Она неуверенно поднесла руку к затылку. – Очень больно. Но когда я пришла в себя, все осталось в точности таким же: она, вся эта кровь... Я позвонила тебе.

– Понятно. Скажи, Мэвис, ты ее трогала? К чему-нибудь здесь прикасалась?

– Не помню. Кажется, нет.

– Кто разукрасил тебе лицо?

– Пандора...

Еве стало страшно.

– Милая, ты только что сказала, что нашла ее мертвой.

– Это было раньше. Вечером. Я была у нее дома...

Ева выдержала паузу, чтобы успокоиться.

– Значит, вечером ты пришла к ней домой? Когда конкретно?

– Точно не знаю. Часов в одиннадцать, наверное. Я хотела ее предупредить, что не собираюсь навязываться Леонардо, и взять с нее обещание, что она не станет ему пакостить.

– Неужели вы опять подрались?!

– Она чем-то накачалась. У нее были гости, что-то вроде вечеринки. Она начала меня обзывать, я не стерпела и ответила тем же. Ну и пошло... Она меня ударила, чуть не задушила! – Мэвис откинула волосы, чтобы показать синяки и царапины на шее. – Двое ее гостей нас разняли, и я ушла.

– Куда ты отправилась?

– Сначала в один бар, потом в другой. – Она попыталась улыбнуться. – В общем, я обошла много баров. Страшно себя жалела. Болталась, чтобы успокоиться. А потом мне взбрело в голову поговорить с Леонардо.

– Когда ты здесь появилась? Ты знаешь, который был час?

– Нет. Наверное, очень поздно. Часа три-четыре.

– Так ты говоришь, что не застала Леонардо?

– Нет. Я думала, что он дома, хотела с ним поговорить, но она... Что теперь будет?

– Я этим займусь. Я обязана доложить о случившемся, Мэвис. И чем скорее я это сделаю, тем лучше. Я все должна зафиксировать, запротоколировать. А тебя придется отвезти на допрос.

– На что?! Не думаешь же ты...

– Ясное дело, не думаю! – Ева старалась говорить быстро и решительно, чтобы заглушить собственный страх. – Главное, побыстрее во всем разобраться и снять с тебя все подозрения. Пока что ни о чем не беспокойся и ложись на меня.

– Но я сейчас ни на что не гожусь!

– Ты сиди и приходи в себя, а я буду действовать. Главное, припомни все подробности: с кем вчера вечером разговаривала, где была, что видела. Вспомни все, что только сможешь. Немного погодя мы к этому вернемся.

– Даллас! – Мэвис содрогнулась. – Леонардо... Он на такое не способен.

– Положись во всем на меня, – повторила Ева и бросила взгляд на Рорка, который, поняв, что от него требуется, присел рядом с Мэвис.

Ева подняла телефонную трубку и отвернулась.

– Даллас. Умышленное убийство...

Еве никогда не жилось легко. Работая в полиции, она многого насмотрелась и ко многому успела привыкнуть. Но она никогда не могла бы подумать, что самой большой трудностью в ее работе окажется снимать показания с Мэвис.

– Ты нормально себя чувствуешь? Мы могли бы отложить допрос.

– Ничего, врачи сделали мне обезболивающий укол. – Мэвис боязливо потрогала шишку на затылке. – Вообще ничего не чувствую! Они накачали меня еще чем-то. Я теперь как огурчик.

Ева внимательно осмотрела лицо подруги, удостоверилась, что кожа приобрела здоровый оттенок. Все выглядело нормально, но она все равно чего-то опасалась.

– Слушай, тебе бы не повредило провести денек-другой в больнице.

– Лучше не откладывать, а немедленно приступить к делу. Леонардо... – Мэвис закашлялась. – Его не нашли?

– Еще нет. Учти, Мэвис, ты вправе пригласить на допрос своего адвоката.

– Мне нечего скрывать. Ведь я ее не убивала, Даллас!

Ева покосилась на свой диктофон. У нее еще было в запасе пара минут.

– Ты только ничему не удивляйся, Мэвис. Я должна действовать по всем правилам. Чтобы комар носу не подточил! Если я отступлю от правил хотя бы на шаг, дело передадут другому следователю. Тогда я не смогу тебе помочь.

Мэвис облизнула губы.

– Непростая задачка...

– Бывает гораздо хуже. Придется выдержать.

Мэвис попробовала улыбнуться, и это у нее почти получилось.

– Нет ничего хуже, чем войти в комнату и напороться на убитую Пандору. Ничего!

«Что ты, это еще пустяки!» – подумала Ева, но промолчала и согласно кивнула. Потом она включила диктофон, назвала себя, свой личный номер, зачитала Мэвис ее права. Начался замедленный повтор неоднократно пройденного.

– Вы утверждаете, что, явившись домой к потерпевшей, чтобы с ней побеседовать, застали там других людей?

– Да, несколько человек. Это было похоже на небольшую вечеринку. Я узнала Джастина Янга – ну, ты его, наверное, помнишь, это известный актер, и Джерри Фитцджеральд, манекенщицу. Там был еще один мужчина, незнакомый. Похож на «пиджак» – ну, на крупного менеджера.

– Пострадавшая напала на вас?

– Да, мне разок попало, – уныло подтвердила Мэвис, трогая шею. – Набросилась, как разъяренная кошка! Она так вращала глазами, что я сразу поняла: накачалась.

– По вашему наблюдению, она употребила наркотическое средство?

– Тогда уж – злоупотребила. Глаза размером с колесо, а силища... Мне уже приходилось мериться с ней силами, ты же видела. – Ева поморщилась. – В тот раз я могла справиться с ней в два счета, а тут...

– Вы дали ей сдачи?

– По крайней мере один раз я ее зацепила. Она меня оцарапала – не ногти, а когти! Ну, я вцепилась ей в волосы. Кажется, нас растащили Джастин Янг и тот «пиджак».

– Что было потом?

– Еще минуту-другую мы с ней ругались. Потом я ушла. Двинулась по барам.

– Куда именно вы пошли? Долго там пробыли?

– Я точно не помню. Заглянула в пару местечек. Кажется, сперва в «Зигзаг» – это на углу 61-й стрит и Лексингтон-авеню.

– Вы с кем-нибудь разговаривали?

– Да с кем бы я стала разговаривать в таком состоянии? Лицо горит, настроение хуже некуда... Заказала «тройной зомби» и уткнулась в рюмку.

– Как вы расплачивались?

– Кажется, кредитной карточкой.

«Уже легче, – подумала Ева. – Есть данные о времени и месте».

– Куда вы отправились потом?

– Так, шаталась, заглядывала в разные подвальчики. Я здорово нагрузилась...

– Значит, вы и там заказывали спиртное?

– Наверное. Во всяком случае, когда мне взбрело в голову зайти к Леонардо, я была совсем пьяная.

– Как вы туда добрались?

– Пешком. Надо же было хоть немного протрезветь! Вот и побрела. На своих двоих.

Надеясь освежить память Мэвис, Ева повторила все, что успела зафиксировать.

– Так куда вы пошли после «Зигзага»? – спросила затем она.

– После двух «тройных зомби»? Я уже не шла, а тащилась. Понятия не имею, куда я отправилась, Даллас! Не знаю, как называются остальные заведения, в которых я побывала, и что еще пила. Все как в тумане. Музыка, смех, танцы на столе...

– Танцы на столе? – Ева ухватила за эту зацепку. – Танцевала женщина или мужчина?

– Мужчина. Высокий, как будто с татуировкой. А может, это была и не татуировка, а краска. То ли змея, то ли ящерица.

– Как этот танцор выглядел?

– Брось, Даллас, меня не интересовало то, что выше пояса.

– Вы к нему обращались?

Мэвис закрыла лицо руками, напрягая память. Это занятие, судя по всему, требовало нечеловеческих усилий.

– Не помню, хоть плачь! Все-таки я сильно набралась. Помню только, как шла. Я решила во что бы то ни стало добраться до Леонардо. Мне не хотелось вваливаться к нему пьяной: ведь я считала, что увижусь с ним в последний раз. И я выпила таблетку для протрезвления. А потом я нашла ее. Уж лучше бы было остаться пьяной...

– Что вы увидели, когда вошли в студию Леонардо?

– Кровь. Столько крови! Все перевернуто, порвано... Я испугалась, что Леонардо покончил с собой, бросилась туда, где он обычно работал, и увидела ее. – Начиная с этого момента, воспоминания Мэвис стали гораздо отчетливее. – Я увидела ее... Узнала по волосам и одежде – она с вечера не переоделась. Зато лицо... Его, можно сказать, уже не было. Я хотела закричать, но не смогла и опустилась рядом с ней на колени. Не знаю, что я собиралась сделать, просто у меня было ощущение, что надо что-то предпринять. Потом этот удар по голове... Очнувшись, я вызвала тебя.

– Видели ли вы кого-нибудь на улице, подходя к дому?

– Нет. Было очень поздно.

– Расскажите, как вы попали в дом.

– Охранное устройство не работало, но это меня не испугало: уличные хулиганы часто их разбивают. Я ничего не подумала, просто вошла.

– Как вы попали в студию?

– Дверь была не заперта.

– Вы вошли и увидели Пандору. Вы с ней не разговаривали, не ссорились?

– Нет... Я же уже сказала: она лежала мертвая!

– Раньше вы дважды с ней скандалили. Повторился ли у вас скандал вчера в квартире Леонардо?

– Это с мертвой-то?! Слушай, Даллас...

– Почему вы скандалили с ней раньше?

– Она грозила, что навредит Леонардо. – На исцарапанном лице Мэвис отражались все ее чувства сразу: боль, страх, горе. – Она вцепилась в него мертвой хваткой! Мы с ним любим друг друга, но она его не отпускала. Ты же сама видела, какая она была, Даллас!

– Вам очень дорог Леонардо?

– Я его люблю, – тихо ответила Мэвис.

– И готовы на все, чтобы его защитить?

– Я решила больше ему не мешать, – ответила Мэвис с достоинством, которое пришлось Еве по душе. – Иначе она бы ему напакостила, а я не хотела, чтобы это случилось.

– Мертвой она уже не сможет напакостить ни ему, ни вам, – осторожно заметила Ева.

– Я ее не убивала!

– Вы пришли в ее дом, устроили ссору, она вас ударила, вы дали ей сдачи. Уйдя, вы напились. Потом добрались до квартиры Леонардо и застали там ее. Возможно, вы снова повздорили, возможно, она опять на вас набросилась. Вы были вынуждены обороняться, и все получилось так, как получилось.

В огромных усталых глазах Мэвис появилось удивление, потом обида.

– Зачем ты так говоришь? Ты же знаешь, что это неправда.

Ева подалась вперед, понимая, что сейчас главное – ничем не выдавать своего истинного отношения к случившемуся.

– Пандора превращала вашу жизнь в ад, угрожала человеку, которого вы любите. Наконец, она причинила вам физическую боль. Снова вас увидев, теперь уже в квартире Леонардо, она на вас набросилась, сбила с ног. Вы ударились головой и с испугу схватили первое, что попало под руку. Для самозащиты, конечно. Вы ударили ее, обороняясь. Наверное, она продолжала на вас наступать. Тогда вы ударили ее еще раз. Опять-таки самооборона. А потом вы потеряли над собой контроль и молотили ее до тех пор, пока не убедились, что она испустила дух.

Мэвис тяжело дышала и так отчаянно трясла головой, что казалось: еще немного – и голова слетит с плеч.

– Ничего подобного! Я ее не убивала. Она уже была мертвая. Опомнись, Даллас, как ты могла подумать, что я вообще на такое способна?!

– Возможно, возможно... – Сердце Евы обливалось кровью, но она убеждала себя, что допрос должен быть проведен по всем правилам. – А может быть, это дело рук Леонардо и вы его выгораживаете? Вы видели, как он вышел из себя, Мэвис? Как схватил палку и ударил ее?

– Нет, нет, нет!

– Или так: вы оказались там уже после того, как он сделал это. Вы застали его стоящим над телом. Он был в панике. Вы решили ему помочь, выгородить его.

– Нет, все было не так! – Мэвис вскочила с кресла побелевшая, с безумными глазами. – Его там вообще не было, я никого не видела. Он бы этого ни за что не сделал! Почему ты меня не слушаешь?!

– Я вас слушаю, Мэвис, слушаю. Сядьте. – Ева старалась теперь говорить как можно мягче. – Мы почти закончили. Желаете что-нибудь добавить к своим показаниям или внести в них какие-либо изменения?

– Нет, – пробормотала Мэвис, безучастно глядя через Евино плечо.

– Первый допрос окончен. Допрашиваемая – Мэвис Фристоун, дело об убийстве. Вела допрос лейтенант Ева Даллас. – Указав дату и время, она выключила диктофон и облегченно перевела дух. – Прости меня, Мэвис. Прости!

– Как ты могла говорить мне такие вещи?!

– Ничего не поделаешь. Я обязана задавать такие вопросы, а ты обязана на них отвечать. – Она положила ладонь на руку Мэвис. – Возможно, мне придется еще раз повторить всю эту волюнку, а ты снова будешь отвечать. – Встретив удивленный взгляд Мэвис, Ева чуть заметно улыбнулась. – Я ведь не знаю, что найдут эксперты, какими будут результаты лабораторных анализов. В общем, если нам не повезет, тебе придется обзавестись хорошим адвокатом.

Мэвис снова побледнела, побелели даже губы. Она стала похожа на труп с еще живым затравленным взглядом.

– Ты меня арестуешь?

– Не знаю, дойдет ли до этого, но ты должна быть готова ко всему. А теперь Рорк отвезет тебя домой. Ты выплывешь, а потом сделаешь над собой усилие и постарайся все вспомнить: время, адреса, людей. Все, что всплывет в памяти, тщательно зафиксируешь и передашь мне.

– А что будешь делать ты?

– Выполнять свой долг. Я знаю свое дело, Мэвис. Помни об этом и доверяй мне: я постараюсь во всем разобраться.

– Разобраться... – с горечью в голосе повторила Мэвис. – Постарайся меня выгородить перед своим начальством? А я-то верила в презумпцию невиновности!

– Это еще одна сказка для взрослых из тех, в которые мы верим. – Ева встала и вывела Мэвис в коридор. – Я сделаю все возможное, чтобы побыстрее раскрыть убийство. Но больше ничего не могу тебе обещать.

– Хотя бы сказала, что веришь мне...

– Считаю, я это уже сказала.

Писанина и формальности – неизменные составляющие любого расследования. Но никогда еще Ева не справлялась со всем этим так быстро. Не прошло и часа, как Мэвис Фристоун была отпущена на свободу. Официально она значилась свидетелем, но Ева-то знала, что Мэвис – главная подозреваемая. Желая незамедлительно исправить эту ситуацию, она поспешила к себе в кабинет.

– Что за история про Мэвис и знаменитую манекенщицу?

– Фини! – Она была готова расцеловать своего коллегу, каким бы помятым он ни выглядел с утра пораньше. Фини сидел за ее столом со своим неизменным пакетиком орешков в сахаре и недоуменно хмурился. – Как быстро разносятся новости!

– Это было первое, что я услышал, когда заглянул в наш кафетерий. Когда лучшую подружку нашего лейтенанта ловят на месте преступления, это становится сенсацией.

– Никто ее не ловил. Она свидетель. Пока.

– Журналисты уже идут по следу. Мэвис еще не назвали по имени, зато ее личико красуется во весь экран. Жена вытащила меня из-под душа, чтобы я посмотрел и послушал. Пандора ведь была очень заметной персоной.

– И осталась ею даже после смерти. – Ева утомленно опустила на стул. – Хочешь познакомиться с показаниями Мэвис?

– Зачем еще я, по-твоему, здесь сижу? От нечего делать?

Она сообщила ему кратко основные моменты, воспользовавшись понятным обоим полицейским жаргоном. Фини озабоченно насунился.

– Черт возьми, Даллас, она попала в серьезный переплет! Раз ты сама видела, как они выясняли отношения силовым методом...

– Более того, мне тоже при этом досталось! Как ей только взбрело в голову явиться домой к Пандоре?! – Ева встала и зашагала по кабинету. – Это все портит. Одна надежда на лабораторию: вдруг они найдут красноречивые улики? Но особенно рассчитывать на это нельзя. Ты сейчас сильно загружен, Фини?

– Лучше не спрашивай! – Фини махнул рукой. – Скажи уж сразу, что тебе надо.

– Давай начнем с ее кредитной карточки. Она помнит первый кабак, в который завалилась, – какой-то «Зигзаг». Если подтвердится, что в момент смерти Пандоры Мэвис находилась там или в каком-нибудь еще заведении, она спасена.

– Тут я могу тебе помочь, но... Она ведь оказалась на месте преступления в очень неудачный момент – буквально сразу после убийства. Преступник еще находился там, иначе Мэвис не схлопотала бы по голове.

– Знаю. Но нельзя упускать ни одной возможности. Я допрошу людей, которых Мэвис видела и узнала дома у Пандоры. Их показания – это уже кое-что. Потом буду искать парня с татуировкой, танцующего на столах клиентов.

– Веселенькое занятие!

Ева чуть заметно улыбнулась.

– Необходимо найти людей, способных подтвердить, что Мэвис действительно была на бровях. Если перед тем, как явиться к Леонардо, она прошлась по нескольким кабакам, у нее не хватило бы сил справиться с Пандорой.

– Она, кажется, утверждает, что Пандора была наркоманкой.

– Это тоже предстоит проверить. Дальше – пропавший Леонардо. Куда он, к дьяволу, подевался среди ночи?! И где находится сейчас?

5

Леонардо тем временем лежал ничком на полу посреди гостиной Мэвис. Он провалялся так несколько часов, высосав целую бутылку виски; может, он и после такой дозы удержался бы на ногах, но его окончательно подкосила жалость к себе.

Очнувшись, Леонардо первым делом провел рукой по лицу. Не исключалось, что после ночи загула лицо окажется расквашенным. Но опасения – по крайней мере в этом отношении – оказались напрасными: лицо было в целости и невредимости, разве что немного помято и чуть-чуть поцарапано от падения ничком на пол.

Леонардо мало что помнил. Именно из-за боязни впасть в беспамятство он редко пил, а если выпивал, то старался не превышать свою норму. Стоило ему немного перебрать – и в памяти возникали провалы.

Он как будто помнил, как ввалился в дом Мэвис, воспользовавшись ключом, который она ему торжественно вручила, когда оба пришли к выводу, что они не просто сексуальные партнеры, а любят друг друга.

Увы, хозяйки дома не оказалось – в этом Леонардо был уверен твердо. А вот что он делал до этого? Тут-то и начинались провалы. Он помнил, хоть и гораздо более смутно, как слонялся по улицам, прикладываясь к бутылке – вот только купил он ее или украл? И где его носило? Одно Леонардо знал точно: в руках он держал бутылку, а внутри у него злодействовало выпитое виски.

Допился до бесчувствия – вот стыд! Как можно было надеяться уговорить Мэвис вернуться к нему, явившись в таком виде? Хорошо, что он ее не застал.

Сейчас его, ясное дело, мучило похмелье, да такое, что впору было взмолиться о пощаде – только знать бы, кому адресовать мольбы! И все-таки Леонардо заставил себя встать: ему не хотелось, чтобы Мэвис обнаружила его здесь в таком позорном состоянии. Он нашел в аптечке болеутоляющее и отправился на кухню, чтобы сварить себе кофе покрепче.

И тут он заметил кровь.

Запекшаяся кровь на предплечье и на ладони. Длинный глубокий порез ниже локтя, уже переставший кровоточить. На рубашке и на брюках тоже были пятна крови. Леонардо почувствовал тошноту и попятился от кухонного стола, удивленно разглядывая свою одежду. Наверное, он с кем-то подрался. Уж не изувечил ли кого?

Тошнота подкатила к самому горлу. Проклятая память, дырявая, как решето! Боже правый, вдруг он совершил убийство?!

Ева с мрачным видом изучала предварительный рапорт судмедэксперта, когда в дверь ее кабинета нетерпеливо постучали. Не успела она отозваться на стук, как дверь распахнулась.

– Лейтенант Даллас? – Ворвавшийся к ней мужчина походил на ковбоя: выгоревшие на солнце волосы, улыбка до ушей, сапоги на высоких стоптанных каблуках. – Черт, до чего же здорово познакомиться с живой легендой! Я видел вас на фотографиях, но живьем вы еще симпатичнее.

– Весьма польщена.

Ева откинулась в кресле, прищурилась. Посетитель был очень хорош собой: мужественное загорелое лицо, прямой нос, но при этом детские ямочки в углах улыбающегося рта и морщинки-лучики вокруг темно-зеленых глаз. По его телосложению было видно, что он без труда мог бы продержаться в седле несколько суток кряду.

– Кто вы такой?

– Касто, Джейк Т. – Он вытащил из переднего кармана линялых джинсов полицейский значок. – Отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств. Я слышал, что вы хотите меня повидать.

Ева внимательно изучила значок.

– А вам известно, почему мне вдруг захотелось с вами познакомиться, лейтенант Касто, Джейк Т.?

– Полагаю, из-за нашего с вами общего осведомителя. – Он по-свойски присел на край ее стола. Они оказались так близко друг к другу, что до Евы донесся приятный запах его мыла. – Я тоже оплакиваю старину Бумера. Безвредный дуралей.

– Раз вы знали, что Бумер работал на меня, почему так долго не шли?

– Задержали другие дела. Да и не думал, по правде говоря, что могу вам чем-нибудь помочь. А потом узнаю, что к расследованию подключился Фини из электронного обнаружения и ищет меня... – Красавчик саркастически усмехнулся. – Фини тоже из ваших?

– Фини сам по себе. Что для вас делал Бумер?

– Обычные услуги осведомителя. – Касто взял с Евиного стола аметистовое яйцо и повертел его в руках, рассматривая вкрапления. – Сведения о торговцах наркотиками, все больше по мелочи. Бумер воображал себя важным сотрудником, хотя на самом деле толку от него было кот наплакал.

– Из таких мелочей выстраивается общая картина, – заметила Ева.

– Потому я и пользовался его услугами, моя милая. На него можно было положиться. Пару раз благодаря ему я припирали к стенке дилеров среднего звена. – Он усмехнулся. – Кто-то ведь должен этим заниматься!

– Кто же выколотил из него душу?

Касто положил яйцо на стол и покачал головой. Усмешка на его лице мгновенно пропала.

– Понятия не имею. Бумер был, конечно, не подарок, но я не знаю ни одного человека, кто бы так сильно его ненавидел или был так напуган, чтобы его укокошить.

Ева внимательно рассматривала гостя. Он производил неплохое впечатление, к тому же, судя по тону, питал к Бумеру те же приятельские чувства, что и она. Однако она решила пока не раскрывать своих карт.

– Чем конкретно он занимался в последнее время? Какое-то особенное поручение? Не спугнул ли он крупную дичь?

Светлые брови Касто удивленно приподнялись:

– В каком смысле?

– Это я хочу у вас спросить. Наркотики – не мой профиль.

– Понятия не имею. Последний раз мы с ним беседовали недели за две до того, как он всплыл в Ист-ривер. Он, конечно, хвастался, что вынюхал что-то из ряда вон выходящее. Ну, вы его приемчики знаете.

– Да, я знаю его приемы... – Ева поняла, что придется все-таки раскрыть карты. – Но дело в том, что я нашла у него дома тайник с непонятным порошком. Сейчас порошок исследуют в лаборатории. Пока мне известно только, что это новый наркотик, гораздо более эффективный, чем те, которыми торгуют на улицах.

– Новый состав? – Касто наморщил лоб. – Почему он утаил это от меня? Если он пытался подыгрывать обеим сторонам, то... – Касто присвистнул. – Думаете, он поплатился именно за это?

– Пока что не могу придумать ничего другого.

– Очень даже может быть... Ну и тупица! Наверное, хотел «подойти» изготовителя или дистрибьютора. Значит, так: я обращусь в лабораторию и заодно проверю, не болтают ли на улице о новинках.

– Буду вам очень признательна.

– Рад с вами сотрудничать. – Он сменил позу и задержал взгляд на Евиных губах. У Касто явно имелся талант по части заигрывания: в его взгляде не было ничего оскорбительного, одно восхищение. – Может, перекусим вместе и обсудим план действий? В общем, все, что захотим!

– Нет, благодарю.

– Не голодны или выходите замуж?

– То и другое.

– Что ж... – Он поднялся. Еве не была чужда нормальная женская реакция, и она оценила его длинные ноги, обтянутые джинсами. – Если передумаете, то сумеете меня найти. Я тоже буду поддерживать с вами связь. – Он направился к двери, но в последний момент задержался. – Знаете, Ева, у вас глаза цвета старого выдержанного виски. В полноценном мужчине они возбуждают сильнейшую жажду.

Ева нахмурилась, но Касто уже закрыл за собой дверь. А она страшно рассердилась на себя за неуместную реакцию. Откуда вдруг этот участившийся пульс? Чтобы прийти в себя, Ева провела руками по волосам и вернулась к рапорту на мониторе.

Она и сама прекрасно знала, как погибла Пандора, но ее заинтересовало мнение судмедэксперта, что смерть наступила от первых трех ударов по голове. Остальные удары убийца нанес без необходимости, просто потому, что увлекся.

Ударам по голове предшествовала драка: на теле красовались яркие тому свидетельства.

Эксперт считал, что смерть наступила в два часа пятьдесят минут ночи, и Ева удивилась, что он назвал такое точное время. Судя по содержимому желудка, примерно в девять вечера пострадавшая неплохо поужинала: омары, салат «Эскарриоль», баварские сливки, дорогое шампанское. В крови присутствовало также химическое вещество, подлежащее дальнейшему изучению.

Итак, Мэвис, скорее всего, не ошиблась: верно определила, что Пандора находилась под влиянием какого-то наркотика. Еву гораздо больше беспокоило другое: частицы чьей-то кожи у пострадавшей под ногтями. Она почти не сомневалась в результатах идентификации: лабораторный анализ укажет на Мэвис. Волосы, найденные рядом с трупом, тоже, скорее всего, окажутся волосами Мэвис. И, наконец, наихудшее: на орудии убийства обнаружатся отпечатки пальцев все той же Мэвис.

«Безупречный подлог! – подумала Ева, утомленно закрывая глаза. – Убийце повезло: Мэвис появилась в нужном месте и в самый удачный для него момент – и он сразу определил ее в посланного свыше козла отпущения».

Знал ли он или она историю отношений Мэвис и пострадавшей или это еще одно трагическое совпадение?

Как бы то ни было, убийца ударил Мэвис по голове, проявил заботу об уликах, даже не забыл о последнем штрихе – оцарапал мертвой рукой лицо Мэвис. Дальше – сущие пустяки: прижать ее пальцы к палке и срочно удалиться с места преступления.

Для того чтобы все это подстроить, не обязательно быть гением, рассуждала Ева. Но обязательно – обладать холодным, расчетливым умом. Как же тогда понять тот факт, что убийца в ярости нанес увечья остывающему трупу?

Пока то и другое не вяжется. Что ж, придется разбираться. Необходимо срочно найти способ, как вывести Мэвис из-под удара и схватить убийцу, превратившего лицо Пандоры в месиво, а потом удалившегося как ни в чем не бывало...

Ева уже поднялась с кресла, как вдруг дверь ее кабинета с шумом распахнулась, едва не слетев с петель. Перед ней предстал Леонардо с безумно вытаращенными глазами.

– Я ее убил. Я убил Пандору. Боже, помоги мне!

После этой тирады его глаза закатились, и огромная туша с грохотом рухнула на пол.

– Боже всемогущий!

Ловить его на лету было бессмысленно, поэтому Ева отскочила, чтобы тоже не оказаться на полу. Это напоминало падение векового дерева, срубленного на маленькой поляне. Теперь он лежал распростертый ногами на пороге, едва не упираясь головой в противоположную стену. Ева нагнулась, поднатужилась и перевернула его на спину. Похлопав Леонардо по щекам, она подождала и, так ничего и не добившись, повторила процедуру, уже не жалея сил.

Леонардо застонал и чуть приоткрыл налитые кровью глаза.

– Что? Где?.. Я убийца, Даллас!

– Заткнись, Леонардо! – крикнула Ева, после чего, впихнув его ноги в кабинет, захлопнула дверь. Потом, сурово глядя на него, она произнесла: – Сейчас я зачитаю тебе твои права.

– Мои права?

Он явно не отдавал себе отчета в том, что происходит, однако мощным усилием сменил лежачее положение на сидячее.

– Слушай внимательно. – Прорекламировав стандартные формулировки, Ева властным жестом помешала ему себя перебить. – Ты понимаешь свои права и вытекающие из них возможности?

– Да. – Леонардо растерянно потер ладонями лицо. – Я пока еще в своем уме, Даллас.

– Желаете дать показания?

– Я уже сказал...

Она снова прервала его повелительным жестом.

– Отвечай: да или нет?

– Да, да, хочу дать показания.

– Тогда встань с пола. Показания будут зафиксированы. – Она повернулась к столу, размышляя, не отвести ли его в специальное помещение для допросов, но решила, что с этим можно и подождать. – Вы сознаете, что каждое ваше слово будет записано?

– Да. – Леонардо с трудом поднялся, но тут же рухнул в кресло, едва не развалившееся под его тяжестью. – Даллас...

Ева покачала головой, не дав ему продолжить. Включив запись и надиктовав все, что требуется, она снова перечислила подозреваемому его права.

– Леонардо, понимаете ли вы свои права и вытекающие из них возможности, сознательно ли отказываетесь на данный момент от помощи адвоката, готовы ли дать показания?

– Я просто хочу со всем этим покончить.

– Да или нет?

– Да. Да, черт возьми!

– Вы были знакомы с Пандорой?

– Конечно, был.

– Состояли ли вы с ней в близких отношениях?

– Состоял. – Леонардо снова закрыл лицо руками. Перед глазами стояла картина, которую он увидел на телеэкране в квартире Мэвис, когда решил посмотреть новости: полицейские выносят из его дома длинный пластиковый мешок с телом Пандоры. – Мне все еще не верится, что это произошло...

– Каков был характер отношений между вами и потерпевшей?

«Как бесчеловечно это звучит! – подумал он. – «Потерпевшая!»!» – Леонардо уронил руки на колени и уставился на Еву.

– Вы же знаете, что мы были любовниками. Знаете, что я собирался с ней порвать, потому что...

Ева перебила его:

– К моменту ее гибели вы больше не состояли в интимных отношениях?

– Нет, мы не встречались уже несколько недель. Пандоры не было в Нью-Йорке. Но мы охладели друг к другу еще до ее отъезда. Потом я познакомился с Мэвис – и все изменилось... Даллас, где Мэвис? Где она?

– В данный момент я не имею возможности сообщить вам о местонахождении мисс Фристоун.

– Хотя бы скажите, с ней все в порядке? – Его глаза наполнились слезами. – Хоть это скажите!

– Она под присмотром. – Это было правдой: за Мэвис в участок заехал Рорк и отвез ее к себе. – Леонардо, насколько мне известно, Пандора грозила навредить вам в вашей работе. Она требовала продолжения прежних отношений и угрожала в противном случае отказаться демонстрировать разработанные вами модели. Вы подтверждаете это? Могла ли она действительно сорвать показ, в который вы вложили много денег и времени?

– Вы там были, сами все слышали. На меня ей было плевать, она просто не могла стерпеть, что инициатором разрыва стал я. Она хотела, чтобы я отказался от Мэвис и снова стал ее комнатной собачонкой. Пандора вполне могла устроить, чтобы показ моих моделей провалился, а то и вообще не состоялся.

– А вы не хотели прекратить встречи с мисс Фристоун?

– Я люблю Мэвис, – ответил Леонардо с достоинством. – Она – самое важное, что есть у меня в жизни.

– Однако если бы вы отказались выполнить требования Пандоры, то остались бы по уши в долгах и с несмываемым пятном на профессиональной репутации. Это так?

– Да. Я вложил в показ моделей все, что у меня было, наделал долгов. Более того, я вложил в это свое сердце, саму душу.

– А она бы все это перечеркнула.

– Одним махом. – Он поджал губы. – И получила бы от этого удовольствие.

– Вы приглашали ее вчера вечером к себе домой?

– Нет. Я вообще не хотел ее больше видеть.

– В котором часу она пришла вчера к вам домой?

– Не знаю.

– Как она вошла? Вы сами ее впустили?

– Вряд ли... Не знаю я! У нее оставался мой ключ. Я не собирался требовать его назад или менять замок. Все это – сплошное безумие!

– Вы с ней повздорили.

Его глаза вспыхнули и тут же потухли.

– Не знаю. Не помню. Наверное. Как же не повздорить?

– Совсем недавно Пандора уже являлась к вам без приглашения. Она угрожала вам, набросилась на вашу теперешнюю приятельницу с кулаками.

– Это точно. Так и было! – Это Леонардо как раз помнил очень хорошо. Какое облегчение – хоть что-то помнить!

– В каком настроении находилась Пандора, когда явилась к вам в этот раз?

– Ясное дело, в плохом. Бесилась, должно быть. Я ведь, наверное, сказал ей, что не брошу Мэвис. Тут она полезла в бутылку, и... Даллас! – Его взгляд снова обрел осмысленность. В глазах читалось отчаяние. – Понимаете, я ничего не помню. Ничегошеньки! Сегодня утром я очнулся в квартире Мэвис. Вроде бы помню, как открыл дверь ключом, вошел... Я ужасно нализался. Шел и пил, пил – и шел дальше. Вообще-то я редко пью, потому что, когда пьянею, у меня случаются провалы в памяти. Просыпаюсь – и вижу кровь...

Он вытянул перед собой кое-как перебинтованную руку.

– Кровь на ладонях, на одежде, запекшаяся кровь. Наверное, мы с ней подрались, и я ее убил...

– Где одежда, которая на вас была прошлой ночью?

– Я оставил ее в квартире Мэвис. Я принял там душ и переоделся. Не хотел, чтобы она пришла домой и застала меня в таком виде. Я ждал ее, ломал голову, как быть. Потом включаю «Новости» – и все узнаю.

– По вашим словам, вы не помните, видели ли прошлой ночью Пандору. Ссору с ней тем более не помните. Как убивали – тоже.

– Но, наверное, так все и было, как же иначе? Ведь она погибла у меня дома.

– В котором часу вы ушли вчера вечером из дому?

– Точно не помню, уже тогда был пьяный. Много выпил. Я был очень расстроен и зол.

– Вы кого-нибудь встречали, с кем-нибудь говорили?

– Я купил еще одну бутылку. Кажется, у уличного торговца.

– А мисс Фристоун вы вчера вечером видели?

– Нет, в этом я уверен. Если бы я ее повидал, если бы поговорил с ней, ничего этого не случилось бы.

– Что, если я вам скажу, что вчера вечером Мэвис была у вас дома?

– Мэвис ко мне приходила? – Леонардо просиял. – Приходила? Нет, не может быть. Такого я бы не забыл.

– Присутствовала ли Мэвис при вашей ссоре с Пандорой? Была ли она свидетельницей убийства?

– Нет, нет!

– Может быть, она появилась уже после смерти Пандоры, после того как вы совершили убийство? Ведь вас, очевидно, охватила паника, вы пришли в ужас...

Настоящая паника охватила Леонардо только сейчас.

– Мэвис не могла там оказаться!

– Тем не менее она была там. Она позвонила мне из вашей квартиры, обнаружив труп.

– Мэвис видела труп? – Меднолицый Леонардо сам сделался бледнее трупа. – Боже, только не это!

– Кто-то ударил Мэвис по голове. Она некоторое время была без сознания. Это вы ее ударили, Леонардо?

– Ее ударили? Она ранена?! – Он вскочил и с такой силой вцепился себе в волосы, словно вознамерился содрать скальп. – Где она?

– Это были вы?

Леонардо вытянул перед собой руки и торжественно произнес:

– Я бы отрубил себе обе руки, прежде чем тронуть Мэвис хотя бы пальцем! Скажите мне, ради Христа, Даллас, где она? Я должен убедиться, что она цела.

– Как вы убили Пандору?

– Я... Репортер в «Новостях» сказал, что я забил ее до смерти. – Он содрогнулся.

– Чем вы ее били? Каким орудием, предметом?

– Предметом? Нет, руками, наверное...

Он снова показал руки, но Ева не увидела на костяшках пальцев никаких повреждений. Это были крупные руки, как будто вырезанные хорошим скульптором из дорогой древесины.

– Пандора была сильной женщиной, – заметила Ева. – Не может быть, чтобы она не сопротивлялась.

– Очевидно, она сопротивлялась. Иначе откуда же этот порез?

– Мы исследуем порез, а также одежду, оставшуюся, по вашим словам, в квартире Мэвис.

– Вы арестуете меня прямо сейчас?

– В данный момент вам не предъявляется обвинений. Тем не менее мне придется вас задержать до получения результатов названных мной анализов.

Она заставила Леонардо повторить то же самое еще раз, уделяя особое внимание адресам и времени его перемещений. Бедняга снова и снова наткнулся на стену, перегородившую его память. Так и не добившись толку, Ева прекратила допрос, приказала отвести Леонардо в камеру и отдала распоряжение об анализах.

Теперь – к майору Уитни.

Отказавшись присесть, она осталась стоять, глядя на расположившегося в своем кресле начальника. Выслушав короткий рапорт, Уитни сложил руки на груди и устремил на Еву выжидательный взгляд. У него был зоркий глаз опытного полицейского. В подчиненных он больше всего ценил самообладание, и Ева постаралась ничем не выдать своего волнения и заинтересованности в этом деле.

– Итак, у вас есть подозреваемый, сознавшийся в содеянном. У него были мотивы и возможность совершить это убийство.

– Да, но он заявил, что не помнит, видел ли пострадавшую в эту ночь и тем более – нанес ли ей смертельные удары.

– Полагаю, вы не впервые сталкиваетесь с преступником, избравшим такую линию поведения, чтобы отвести от себя подозрение.

– Так точно, сэр. И все-таки я не верю, что убийца – Леонардо. Возможно, результаты анализов опровергнут мое убеждение, но по складу характера он не похож на преступника. Я была свидетелем другой стычки, когда пострадавшая напала на Мэвис Фристоун. Леонардо и в голову не пришло применить силу. Вместо того чтобы их разнять, он остался стоять, заламывая руки.

– Согласно его собственным показаниям, в ночь убийства он находился под воздействием алкоголя. Алкоголь часто меняет людей.

– Так точно, сэр.

Доводы майора звучали разумно. Ева призналась себе, что ей и самой хотелось бы повесить убийство на злополучного Леонардо, поверить его признанию и действовать соответственно. Мэвис, конечно, будет горевать, но по крайней мере останется на свободе. Обвинение с нее будет снято...

– Это не он, – отчеканила Ева. – Я бы предложила некоторое время подержать его у нас, чтобы стимулировать повторными вопросами его память. Но мы не можем предъявить ему обвинение в убийстве на том основании, что он сам считает себя убийцей.

– Что ж, я согласен с вашим предложением, Даллас. Скоро мы получим результаты анализов. Надеюсь, они все прояснят. Но учтите, они могут дополнительно уличить Мэвис Фристоун.

– Да, сэр, это я понимаю.

– Вы с ней давние друзья. Ваша репутация не пострадает, если вы откажетесь от ведения следствия по этому делу. Думаю, так было бы лучше для вас самой, да и логичнее.

– Нет, сэр, я не откажусь от этого дела. Вы имеете право меня от него отстранить, но тогда я возьму отпуск и продолжу расследование как частное лицо. При необходимости я даже готова подать в отставку.

Уитни потер обеими руками лоб.

– Ваше прошение об отставке будет отклонено. Сядьте, лейтенант. Черт бы вас побрал, Даллас! – прикрикнул он, когда она осталась стоять. – Хотите, чтобы я оформил это приказом?

– Слушаюсь, сэр.

Уитни вздохнул, стараясь успокоиться.

– Я знаю, что не так давно обидел вас, Ева. Мой выговор был неуместным и незаслуженным, он испортил наши хорошие отношения. Насколько я понимаю, вам теперь тягостно служить под моим командованием...

– Вы – лучший командир из всех, кому мне доводилось подчиняться. Я ничего не имею против вас как своего начальника.

– Но мы больше не друзья... – Ева ничего не ответила, и он грустно кивнул, сочтя ее молчание за знак согласия. – Однако вы, очевидно, помните мое поведение во время расследования дела об убийстве прокурора Тауэра, в котором я был лично заинтересован. И догадываетесь, как хорошо я понимаю ваши теперешние чувства. Я тоже знаю, что значит разрываться между долгом и личной преданностью, Даллас. Полагаю, вы не станете делиться со мной своим отношением к текущему делу, поэтому настоятельно советую облегчить душу в разговоре с человеком, заслуживающим вашего доверия. Ошибка, которую я допустил в прошлом расследовании, в том и состояла, что я ни с кем не поделился своей ношей... Смотрите, не повторяйте моей ошибки.

– Я знаю одно: Мэвис никого не убивала. Нет таких улик, которые смогли бы меня переубедить. Но поверьте, я буду делать все, что положено, господин майор. И найду настоящего убийцу.

– Не сомневаюсь в вашей добросовестности, лейтенант, как и в вашей самоотверженности. Обещаю вам свою поддержку – независимо от того, захотите ли вы ею воспользоваться или нет.

– Спасибо, сэр. У меня есть просьба, касающаяся другого дела.

– А именно?

– Дела Йохансена.

Уитни не удержался от глубокого вздоха.

– У вас мертвая хватка, Даллас.

С этим не приходилось спорить. Впрочем, Ева расценила его слова как комплимент.

– Вы располагаете моим рапортом об уликах, которые мы обнаружили в комнате Бумера. Полной формулы найденного там наркотического средства пока не получено. Я попыталась самостоятельно выяснить, что это за вещество. – Она достала из сумочки дискету. – Мне удалось установить, что это новая высокоэффективная смесь, превосходящая длительностью действия стандартную продукцию с улицы. Действие средней дозы этого наркотика продолжается четыре-шесть часов. Разовая передозировка в восьмидесяти восьми процентах случаев приводит к летальному исходу.

Уитни крутил в руках дискету, поджав губы.

– Самостоятельное расследование, говорите?

– Я использовала свои знакомства... Вы ведь сами сказали, что я должна спешить, сэр. Наша лаборатория еще не дала ответа, хотя и определила некоторые составные части и их соотношение. Мой главный вывод – вещество крайне доходное, раз небольшая доза дает верный результат. Быстро приводит к возникновению зависимости, создает ощущение силы, мощи, что-то вроде эйфории – но не спокойной, а порождаемой уверенностью в своей власти над окружающими. Кроме того, в состав входит какое-то неизвестное пока вещество, способствующее регенерации клеток. Я подсчитала эффект от длительного приема. Ежедневное употребление на протяжении пяти лет должно с вероятностью в девяносто шесть процентов привести к внезапному и полному отказу нервной системы. То есть к смерти.

– Господи Иисусе! Так это яд?

– В конечном итоге – да. Изготовители наверняка это знают, следовательно, они повинны не только в незаконном сбыте наркотического средства, но и в предумышленных убийствах.

Она дала Уитни время переварить информацию. Оба знали, какой разразится скандал, когда и если пресса пронюхает о ее находке.

– Неизвестно, знал ли Бумер о данной особенности препарата, – продолжила Ева, – однако он знал достаточно, чтобы поплатиться жизнью. Я хотела бы продолжить расследование

этого дела. А поскольку у меня есть еще несколько следственных дел, я бы просила дать мне в помощь сержанта Пибоди вплоть до раскрытия убийства.

– У Пибоди мало опыта по части наркотиков и убийств, лейтенант.

– Зато у нее хорошая голова и масса рвения. Я могла бы поручить ей координировать мои действия с действиями лейтенанта Касто из отдела по борьбе с наркотиками. Он тоже использовал Бумера в качестве осведомителя.

– Согласен. А к расследованию убийства этой манекенщицы привлечите Фини. – Майор приподнял бровь. – Впрочем, как я погляжу, вы это и так делаете. Будем считать, что я уже отдал соответствующее распоряжение, только надо все официально оформить. Ведь вам придется иметь дело с прессой.

– Ничего, я начинаю к этому привыкать. Надин Ферст как раз вернулась из отпуска. Я буду снабжать ее избранной информацией. Она и «Канал 75» мои должники. – Ева встала. – Не беспокойтесь, шеф. У меня есть с кем посоветоваться. К тому же мне поможет Фини.

– Постарайтесь со всем этим разобраться, прежде чем отправитесь в свадебное путешествие. – На лице Евы отразилась такая гамма противоречивых чувств – замешательства, радости, страха, – что майор Уитни довольно хмыкнул. – Ничего, переживете, Даллас, я вам это гарантирую.

– Тем более что модельер, взявшийся сшить мне свадебное платье, находится в предварительном заключении, – пробормотала Ева. – Благодарю вас, господин майор.

Уитни проводил ее взглядом. Возможно, Ева этого еще не осознала, но ему показалось, что стена, разделявшая их в последнее время, рухнула. И он был этим чрезвычайно доволен.

– Представляю, в каком восторге будет моя жена!

Фини с удовольствием доверил Еве руль и теперь блаженно бездельничал. Улицы были не слишком загружены, а на помехи, создаваемые туристическим транспортом, он, как уроженец Нью-Йорка, давно перестал обращать внимание.

– Черт, они же обещали починить мне машину! Ты слышишь, Фини? Что это за жужжание?

Фини послушно прислушался к посторонним шумам, проникающим в салон.

– Похоже на гудение пчелиного роя.

– Три дня! – не унималась Ева. – Продержать машину три дня в ремонте – и никакого толку! Стало даже хуже, чем было.

– Брось, Даллас! – Он похлопал ее по руке. – Научись смотреть правде в глаза. Смирись с простым фактом: твоя машина – груда металлолома. Купи себе новую.

– Не хочу новую! – Ева ударила кулаком по приборной панели. – Хочу ездить на этой, только без шумового сопровождения.

Она резко затормозила на светофоре и принялась нетерпеливо барабанить пальцами по рулю. Звуки были такими угрожающими, что Ева не была уверена, доберутся ли они до места.

– Где этот чертов дом? – Жужжание стало еще громче, и она снова ударила кулаком по панели. – Мы что, заблудились?

– Да, не повезло твоей технике с хозяйкой, – усмехнулся Фини. – Потому, наверное, она тебя все время и подводит. Так я и говорю, – зачастил он, не дав Еве огрызнуться, – моя жена будет в полном восторге. Этот Джастин Янг играл любовника в «Ночных водападах».

– Мыльная опера? – Ева скорчила гримасу. – Вы что, смотрите «мыло»?

– Подумаешь, эстетка! Да, я иногда включаю «мыльный» канал, чтобы отдохнуть. Все так делают. В общем, моя жена от него без ума. Сейчас он снимается в кино, и она покупает все фильмы с его участием. Славный тип! А уж Джерри Фитцджеральд... – Фини мечтательно улыбнулся.

– Оставь свои разнузданные фантазии при себе, приятель.

– Это же не тело, а сказка! Не то что у других манекенщиц – кожа да кости. – Он при-чмокнул и облизнулся, словно только что съел большую порцию мороженого. – Знаешь, почему мне нравится с тобой сотрудничать, Даллас?

– Потому что я хороша собой и чертовски умна?

– Это само собой. – Он закатил глаза. – А еще потому, что, вернувшись домой, я бегу к жене и первым делом выкладываю, кого допросил за день. Тут тебе и миллиардер, и сенатор, и итальянские аристократы, и кинозвезды. Это невероятно поднимает мой престиж!

– Я рада, что могу тебе помочь. – Ева втиснула свой помятый полицейский рыдван между мини-«Роллсом» и степенным «Мерседесом». – Главное, держи себя в руках, когда мы будем допрашивать этого актера по третьей категории.

– Я все-таки профессионал. – Фини вылез из машины и ухмыльнулся, разглядывая мраморный фасад роскошного здания. – Нет, ты оглядись! Хотелось бы тебе здесь жить? Ох, извини, я забыл: теперь это для тебя все равно что трущобы.

– Пошел к черту, Фини!

– Ладно, детка, не ерпенься. – Он положил руку ей на плечо и повел к парадному. – Быть невестой богатейшего человека в мире совсем не стыдно.

– А я и не стыжусь. Просто не хочу об этом распространяться...

Зажиточные обитатели дома могли себе позволить и электронную систему охраны, и внушительного по размерам привратника. Показав полицейские значки, Ева и Фини вошли в сияющий мраморный вестибюль, заставленный раскидистыми папоротниками и экзотическими цветами в огромных напольных вазах.

– Показуха, – пробормотала Ева.

– Видишь, как ты зазналась! – Фини подошел к внутреннему экрану охранной системы. – Лейтенант Даллас и капитан Фини, к Джастину Янгу.

– Одну минуту, пожалуйста, – прошелестел вкрадчивый голос и через несколько секунд добавил: – Мистер Янг вас ожидает. Просьба пройти в лифт номер три. Всего наилучшего!

6

– В какую игру ты предпочитаешь сыграть? – спросил Фини по пути наверх, косясь на крохотную камеру в углу лифта. – Как обычно – в злого полицейского и доброго полицейского?

– Как ни странно, это чаще всего сбывается.

– Точно. Гражданские лица клюют с ходу.

– Давай начнем просто: мол, извините за беспокойство, мы ценим ваше сотрудничество, и так далее. А если почувствуем, что он темнит, возьмем его в оборот.

– Только, чур, я буду злодеем!

– Согласись, Фини, злодей из тебя никудышный.

Он устремил на нее возмущенный взгляд.

– Зато я старше тебя по званию, Даллас.

– Но дело веду я. Кроме того, у меня лучше получается злодейская роль. Придется тебе с этим смириться.

– Вечно мне приходится изображать добренького! – простонал он, выходя следом за Евой в ярко освещенный холл, тоже выложенный мрамором.

Джастин Янг распахнул дверь, словно подкарауливал гостей. Ева сразу определила про себя, что одежду он тщательно продумал. Все должно было свидетельствовать о том, что добропорядочный и благополучный гражданин намерен выступить в роли покладистого свидетеля: дорогие свободные брюки, расшитая шелковая рубашка в тон брюкам, модные сандалии на толстой подошве.

– Рад познакомиться, лейтенант Даллас, капитан Фини. – Серьезное выражение на красивом лице с правильными чертами, неотразимые черные глаза, волнистая шевелюра, широкое кольцо с ониксом на пальце протянутой для пожатия руки. – Прошу.

– Спасибо, что согласились нас принять, мистер Янг.

Возможно, Ева действительно зазналась, но квартира не произвела на нее впечатления: ей всегда казалось, что выставленное напоказ богатство свидетельствует об отсутствии вкуса.

– Такая трагедия, такой ужас!

Хозяин жестом предложил гостям присесть на угловой диван, заваленный разноцветными атласными подушками. Напротив дивана висела огромная картина, изображающая тропический пляж на закате. Этот мирный пейзаж настраивал на спокойный, задумчивый лад.

– Просто не верится, что ее больше нет! Это произошло так внезапно и при таких кошмарных обстоятельствах...

– Извините нас за вторжение, – начал Фини, играя свою роль доброго полицейского и стараясь не тарашиться на многочисленные сувениры и цветные стекла. – Мы понимаем, как вам сейчас тяжело.

– Действительно, мы с Пандорой были хорошими друзьями. Что вам предложить? – поинтересовался Янг, восседавая в глубоком кресле.

– Ничего не надо, благодарю. – Ева никак не могла принять удобную позу среди россыпи подушечек.

– А я, с вашего позволения, выпью кофе. Я живу на нервах с того момента, как узнал о несчастье. – Янг наклонился к столику и нажал на кнопку. – Один кофе, пожалуйста. – Он откинулся на спинку и через силу улыбнулся. – Видимо, вас интересует, где я находился в момент ее смерти? Я столько раз исполнял роль полицейского, подозреваемого, даже потерпевшего, что знаю все наизусть. Но у меня всегда было алиби невиновного!

Горничная, одетая в классическую униформу, внесла стеклянный поднос с единственной чашечкой на блюде. Джастин обеими руками поднес чашку ко рту.

– О времени убийства точно не сообщается, но я могу отчитаться о своих занятиях на протяжении всего вечера и ночи. Примерно до полуночи я находился у Пандоры: она устроила небольшую вечеринку. Мы с Джерри – Джерри Фитцджеральд – ушли вместе, чтобы выпить в частном клубе неподалеку. Там, конечно, подтвердят, что видели нас. Из клуба мы вышли примерно в час ночи. Сначала хотели зайти еще куда-нибудь, но, честно говоря, и так достаточно выпили и наобщались с людьми. Поэтому мы поехали прямо сюда и не выходили до десяти утра. У Джерри была назначена репетиция. Когда она ушла, я налил себе кофе, включил «Новости» – и узнал про бедняжку Пандору.

– Что ж, это похоже на алиби, – пробормотала Ева; ей показалось, что рассказ прозвучал как-то слишком заученно. – Но нам придется допросить мисс Фитцджеральд, чтобы все подтвердить.

– Разумеется. Не хотите ли сделать это немедленно? Она сейчас отдыхает в соседней комнате: смерть Пандоры явилась для нее потрясением.

– Пускай отдохнет еще, – разрешила Ева. – Вы сказали, что были с Пандорой хорошими друзьями. Может быть, любовниками?

– Иногда случалось, но в этом не было ничего серьезного. Важнее, что мы с ней встречались в одних и тех же кругах. И если уж совсем начистоту, Пандора предпочитала мужчин, которыми можно помыкать, которых легко взять на испуг. – Янг снисходительно улыбнулся, давая понять, что сам к этой категории мужчин не принадлежит. – Она чаще обращала внимание на неудачников, чем на тех, кто добился успеха. Пандора не любила, чтобы кто-то мешал ей греться в лучах славы, отвлекая внимание на себя.

– С кем же она состояла в романтической связи к моменту смерти? – осведомился Фини в тон рассказчику.

– Полагаю, сразу с несколькими. С одним – она называла его антрепренером, но, по моему, иронически – она познакомилась на каком-то курорте. Кажется, на Гаити. Был еще начинающий модельер – по словам Джерри, подающий большие надежды. То ли Микеланджело, то ли Пуччини, то ли Леонардо... Что-то в этом роде. Потом Пол Редфорд, видеопродюсер, он как раз был с нами в тот вечер...

Янг отхлебнул еще кофе и наморщил лоб.

– Да, точно, Леонардо... Между прочим, на нашей вечеринке из-за него случился скандал. Вломилась какая-то женщина и устроила с Пандорой настоящую драку. Это было бы даже забавно, если бы все присутствующие так не смутились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.